

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

КИЕВ

Владислав
Выставной

Владислав Валерьевич Выставной
Кремль 2222. Киев
Серия «Кремль 2222»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11788900

Выставной, Владислав Валерьевич. Кремль 2222. Киев : [фантастический роман]: АСТ; Москва;

2015

ISBN 978-5-17-091927-7

Аннотация

Бронепоезд «Дракон» несется через мертвые пустыни, оставленные Последней Войной. Книжник и Зигфрид хотят вернуться в Кремль, но обстоятельства заставляют свернуть на забытую ветку, которая приводит в город – призрак былого величия и символ надвигающейся беды. Угроза неотвратима, страшна, от нее не спасут ни пушки, ни мощная броня. За что драться в чужом городе кремлевскому семинаристу и последнему воину народа вестов? Ответ прост, если на чужой земле ты обрел верных друзей и не забыл дорогу домой.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	25
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владислав Выставной

Кремль 2222. Киев

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© В. Выставной, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пролог

Со стволов тихо струился дымок, плечо ныло от отдачи.

Нет лучшего способа снять напряжение, чем разрядить оружие в подозрительный полумрак за спиной. Особенно – сразу все шесть стволов штуцера двенадцатого калибра. Вроде знаешь, что ни во что не попал, но на душе как-то спокойнее.

Назар облизал пересохшие губы, нервно рассмеялся. Наверное, просто перетрусил. Место здесь жуткое, проклятое – вот и мерещится всякое. Он огляделся, втягивая голову в плечи. Ничего себе, сократил путь – влез-таки в запретный район. Так что пенять не на кого – надо идти вперед и молиться, чтобы святые помогли добраться домой живым и в здравом рассудке.

А не спятить здесь трудно. Ряды огромных железных фигур замерли навеки, как мрачные статуи в честь воинов Судного Дня. Они и впрямь напоминали солдат Преисподней – древние машины убийства, боевые роботы, по какой-то причине так и не дошедшие до города. Это настоящий Некрополь Проклятых – так зовут в Лавре здешних железных демонов.

Выбрасывая горячие гильзы и забивая в стволы оставшиеся шесть патронов, Назар мрачно подумал, что до Лавры осталось больше половины пути и шансы добраться тают на глазах.

Проблема в том, что он остался один.

Послушники никогда не передвигаются в одиночку. Тем более – первогодки. Так уж получилось, что из всего дозора уцелел лишь он – самый непригодный для поставленной цели.

Просто потому, что струсил. Спрятался, когда братья приняли последний бой. И сколько бы он ни утешал себя тем, что хоть кто-то должен уцелеть, чтобы принести тревожную весть в Лавру, – он все равно останется трусом. Пусть даже не сам он спрятался – это дьяк затолкал его в погреб, когда вокруг уже всюду бесновались муты, – все равно...

– Заткнись! – закрыв глаза, приказал он самому себе. – Ты знаешь: так было надо!

Он заставил себя открыть глаза и обернуться туда, откуда отчаянно пытался уйти. Смерть ползла по пятам со стороны заката.

Беда всегда приходит с Запада. Так уж повелось на этих землях.

Вот и теперь мерцающая багряная полоса над горизонтом не оставляет надежды. Впереди медленно надвигающейся смерти ползет страх – тянется своими ледяными отростками, стремясь уничтожить еще до прихода настоящей опасности.

Назар всем телом впитывал этот ползучий страх, и даже защитная молитва не избавляла от этого удушающего чувства. Он не из слабаков – таких не отправляют в дозор на дальний скит. Это все оно – сияние Запада, проклятье древнего города, – давит, проникает сквозь кожу и разъедает мозг.

Резкий, высокий и раскатистый треск вывел его из оцепенения. Назар поднял голову, медленно огляделся, вслушиваясь в сумерки. Потные пальцы судорожно вцепились в холодный металл штуцера.

– Чур меня чур! – прошептали сухие губы. – Всех ненавижу, а меня не увидь!

За языческий заговор легко отхватить епитимью от святых отцов, но сейчас не до богословских диспутов – страх смерти сильнее страха перед мелким прегрешением.

И снова он – болезненно отдающий ультразвуком стрекот. И еще раз так же, но более глухо – теперь уже с другой стороны.

Назар сжал зубы, невольно пригнулся, ловя боковым зрением движения теней. Что там пряталось, в бескрайних развалинах пригорода? Что бы там ни было – оно плотоядное и

злое, потому что другое не будет красться по пятам и устраивать засаду. И еще хуже: оно не одно.

Его взяли в клещи.

Этого стоило ожидать. Страх гонит всех – и людей, и монстров, замешивая водовороты злобы и ненависти. Сognанные вместе, все твари начинают пожирать друг друга, как пауки в банке. Вот и его затянуло в эту мясорубку.

Никогда ж не думал, что дело так обернется! Что старое предание окажется правдой, что снова двинется на город старая напасть. Верил, что так и проскучает в молитвах да дозорах на окраине изведенного мира. Из города-то горизонта не видно – вот Лавра и посылает дозорных в дальний скит. Пятнадцать лет уж не было такой беды, все стали забывать о ней, как о бредовом кошмаре. Однако так уж устроен мир – рано или поздно зло напомним о себе и вернется, чтобы испытать на прочность силу твоего духа.

Приземистая тень резко вынырнула из-за темного железного силуэта. Сама манера двигаться – резкая, разбитая на короткие, непредсказуемые рывки, выдавала в ней природного убийцу. Плоский лоснящийся панцирь не меньше метра в поперечнике и загнутый кверху сегментарный раздвоенный хвост с двумя острыми жалами. Здоровенные щелкающие клешни перед крохотной головой и омерзительные, мохнатые паучьи ноги – кошмарный гибрид гигантского паука и скорпиона. Их так и прозвали – скорпы. Безжалостные жнецы смерти.

Назар осенил себя священным знаком, пролепетал молитву. И лишь после этого вспомнил об оружии.

Дальше сработал рефлекс. Назар резко ушел в сторону, отмахнувшись тяжелым штуцером, как противовесом. И только после понял, что заставило его это сделать: подсознательное ощущение того, что показавшаяся тварь всего лишь отвлекала внимание. Мимо, едва не сбив его с ног, плюясь ядом, пронеслась вторая – хотела небось наброситься со спины. Однако не вышло, и изогнутый хвост с двумя жалами, промазав, хлестнул по бетону. Прوماх взбесил чудовище. Гигантское членистоногое развернулось мгновенно, прыжком, – и над головой послушника взвился сегментарный хвост.

Две пули, выпущенные в промежуток между клешнями, охладили пыл мутанта. Дернувшись в сторону, существо наткнулось на стену и забилось в агонии. Радоваться, однако, было преждевременно: направив ствол в сторону первого мута, Назар увидел лишь облачко пыли поверх прицельной планки – тварь скрылась. И это было плохо: скорп не отстанет. Он будет преследовать его до конца и обязательно поймает на какой-нибудь ошибке.

Как уже поймали их всех – там, в ските. Один мелкий мут, проскочивший в дверь мимо проморгавшего его послушника. Минутное замешательство – и за ним второй мут, уже покрупнее. А следом – целая стая жутких монстров, не знающих боли и страха.

Тогда полегли все. Все, кроме него.

Скорпы – всего лишь предвестники настоящей беды. Дальше будет только хуже. Гонимые инстинктом, придут другие твари – все, что движется, жрет, убивает.

Задышавшись, он бросился вперед, по узкому проходу вдоль рядов железных истуканов. Странное дело – даже бешено несясь по жуткому некрополю, он не мог не удивляться открывшемуся зрелищу.

Боевые машины застыли в движении, в разных позах, как в кадре древней кинохроники. Какая-то сила застигла их в момент начала движения – все эти разнообразные квазиживые механизмы, готовые ринуться в бой. Здесь были гиганты – некогда укутанные в силовые поля, напичканные ракетами и электромагнитными пушками. Среднеразмерные ударные машины, напоминавшие доисторических ящеров. И бесчисленное количество уродливых машин поменьше – атакующих, вспомогательных, инженерных. Все это должно было ринуться на город, сметая все на своем пути.

Говорят, этот город не был целью Армады. Железный кулак должен был пройти сквозь него, как сквозь масло, чтобы ударить своего подлинного противника. Противник оказался хитрее, обездвигив Армаду без единого выстрела. Но Предсказатель поведал: это не конец битвы, а всего лишь отсрочка. Город не испил до дна положенную ему чашу, не усвоил посланный небом урок: в большой войне нельзя выжить, не выбрав верную сторону, – не поддерживая никого, будешь растоптан всеми...

Понятно, почему послушникам запрещено приближаться к Железной Армаде. Страшное зрелище способно ввести во искушение неопытные души. Он сам испытывал сейчас трепет перед железными чудовищами, чувствуя ничтожность человеческого существа перед силами ада. Умом он понимал, что это – всего лишь мертвые биороботы, зловещие памятники Последней Войны. Но сердце билось в страхе, и ничего с этим уже не поделать.

Вот уже двести лет Армада смотрит на город своими мертвыми глазами со стороны заката. С той стороны, откуда раз за разом накатывается на город беда. Кажется, что даже мертвый враг продолжает свою бесконечную войну с немногими уцелевшими людьми.

Страшно подумать, что стало бы с городом, ворвались эти монстры на его улицы. Считается, что Армаду остановила боевая молитва Отцов-настоятелей. В это принято верить, потому что только вера все еще помогает держаться, цементирует боевое братство. Но теперь, глядя на железную армию изнутри, Назар не мог избавиться от простой и чрезвычайно крамольной мысли: отцам не под силу было победить эту мощь. Как не под силу остановить новую угрозу, идущую вслед за этой армией мертвых.

И это было страшно, потому что подрывало веру.

Сомнения начались не сегодня. Они разъедали мозг, грозя вырваться наружу. Это опасно – Отцы не прощают сомнений. Но кто может запретить душе бунтовать против вековых заблуждений?

Книги. Запретные письма, что Назар жадно впитывал, несмотря на угрозу отлучения. Это как эликсир – проясняет сознание и заставляет посмотреть на мир другими глазами.

Армаду остановили не отцы. Выходит, они не всемогущи, а значит, не могут защитить от новой беды, надвигающейся с неуклонностью лавины. Что из этого следует? Одной молитвой не обойдешься. Придется действовать. И сейчас его действия должны быть направлены лишь на одно – добраться живым.

Снова этот проклятый звук, но теперь уже не с одной и не с двух сторон. Он шел отовсюду. Скорпы шли по следу и, похоже, двигались еще быстрее. Наползала тьма, и страшные звуки слышались все чаще.

Наступала ночь – самое время для хищных тварей.

В какой-то момент в мозгу включилось простое и ясное понимание: ему не уйти. Просто потому, что скорпов больше и они уже почуяли его усталость. В какой-то момент они просто бросятся всем скопом, и тогда...

Стараясь не думать, что будет «тогда», он быстро огляделся. Единственный шанс выжить – это дожидаться рассвета, когда активность ночных хищников спадет и он сам снова сможет нормально ориентироваться в пространстве. Сейчас же перед глазами была лишь неясная муть. Еще немного – и он даже не сможет различить во мраке подкрадывающегося мута. Нужно срочно найти укрытие. Но где его найдешь – на гладком пустыре среди бескрайних рядов мертвых машин?!

Рядом что-то зашуршало, быстро приближаясь, – и он не выдержал. Развернувшись, судорожно вдавил спусковой крючок.

Вовремя: вспышка выхватила из мрака кошмарную пасть с шевелящимися жвалами и нависший над ней изогнутый, капающий ядом хвост. Захлебнувшись зарядом картечи, мут отлетел в сторону. Оттуда донесся омерзительный хруст ломающегося хитина – подстреленного мута пожирали сородичи. Это был шанс. Ничтожный, но все же...

В момент выстрела взгляд успел выхватить аномалию в строгих рядах боевых роботов. Одна из машин рухнула, опрокинувшись на бок. Что-то подсказало воспользоваться этим. Несколько секунд – и он уже был рядом с впечатавшимся в землю корпусом. На миг застыл, не понимая, что делать и чего он вообще хочет от этой груды ледяного металла, но тут же заметил отошедший при ударе о землю броневой лист. Наверное это был люк для технического обслуживания машины. Иначе не объяснить, как удалось втиснуться в узкий промежуток между крышкой и корпусом машины. Не гнал бы в спину леденящий ужас – он в жизни не поверил бы, что влезет в щель, куда едва прошла голова с копной стриженных «под горшок» волос. Впрочем, тело послушника – тощее и гибкое от постоянных работ и земных поклонов.

Назар забился в тесное, пахнущее пластиком и машинной смазкой пространство – и замер, надеясь, что твари, наконец, отстанут. Задвинуть «нору» куском брони так и не вышло – «крышку» намертво вбило в землю. Единственной защитой остался выставленный в сторону дыры штуцер.

И не зря. В дыру яростно полезло что-то стремительное, злобное, извергающее омерзительную вонь. Издав совершенно нечеловеческий вопль, Назар выстрелил. И продолжал стрелять, пока палец не стал бессмысленно давить на спусковой крючок разряженного оружия.

Патроны кончились. Назар зашелся в кашле от пороховой гари. Расстрелянную им тушу уже оттащили в сторону и деловито пожирала по соседству. Как только с ней разберутся, тут же примутся за него, а защищаться уже нечем – штуцер превратился в бесполезный хлам.

Вот уже внутрь полез суетливый полуметровый усик, следом – ищущая, щелкающая клешня. В отчаянии послушник вжался в нагромождение какого-то оборудования у себя за спиной. Назар знал, что у него есть немного времени – пока скорпы будут пожирать своих подстреленных родичей. Вопрос – что будет дальше? Забудут ли про человека, насытившись? Или будут выковыривать его отсюда, пока не добьются успеха?

Этого он так и не узнал. Началось нечто странное. Сначала за спиной возникло какое-то странное синеватое свечение. Лицо ощутило жар и подозрительную влажность. А следом, скрежеща и сгребая под себя землю, стала закрываться спасительная бронированная створка. В последний момент по какому-то наитию Назар сунул в сужающуюся щель ствольную связку штуцера, не давая крышке люка закрыться окончательно. Та заскрежетала – и остановила движение. В узкую щель полезла клешня, в злобном бессилии зашипели хищные твари.

Казалось бы, самое время радоваться – уж в эту щель скорпу не пробраться.

Но что все это значит?! Отчего пришли в движение механизмы мертвого робота? Или...

Или не такого уж мертвого?

Назар огляделся в полумраке, подсвеченном тем же синеватым свечением. Светился крохотный огонек в глубине за решетчатыми силовыми конструкциями у пыльных ворохов проводов и шлангов. Светодиод – так, кажется, это называется. Стало быть, робот не мертв. Что тогда – парализован? Дремлет в затянувшейся летаргической спячке? Тогда какого лешего он вздумал шевелиться? Нарочно спасает человека? Но с какой стати?

Назар нервно заерзал, пытаясь устроиться поудобнее. Как-никак, до утра сидеть – пока не уймутся ночные монстры. Под подошвой что-то треснуло. Согнувшись, он подобрал под ногами какой-то предмет, поднес к глазам. И обмер.

В тусклом свете он отчетливо разглядел ветхий обломок кости с остатком сустава. Кость была не одна – он сидел практически на полуистлевших останках. И не важно было, принадлежала ли кость животному или человеку. Главное в другом. Он вдруг с ужасом осо-

знал, где пытается найти спасение. Никакой это не технологический лючок, как он решил поначалу.

Это зев биореактора – устройства, извлекающего энергию из переработанной органики. Другими словами, он сам, по своей воле залез в желудок биоробота. И если тот до сих пор не переварил его заживо – то лишь в результате какого-то технического сбоя. Но, похоже, жуткое биомеханическое существо постепенно запускает системы и вскоре найдет способ включить механизм пищеварения.

Самое время завывать от ужаса.

Словно прочитав его мысли, машина вздрогнула. Тихо засвистело с электрическим отзвуком какое-то устройство. Влажность стала повышаться. Снова заскрежетал, пытаясь захлопнуть пасть, предательский люк. Назар ухватился за штуцер, не давая стволам выскочить из щели, и рядом с ладонями злобно защелкали скорпионьи клешни.

Это была ловушка. Жуткая и наверняка смертельная.

От влажности по лицу бежали крупные капли. Кожу неприятно пощипывало. Неужто кислота? Стало тяжело дышать. Единственное, что не давало окончательно задохнуться, – узкая щель, через которую внутрь струился воздух.

Корпус робота вздрогнул снова.

Черт возьми! Назар торопливо осенил себя знаком. Что происходит? Отчего зашевелился этот проклятый механизм, давным-давно считавшийся мертвым? Что стряслось? Что изменилось, в конце концов?

Ответ напрашивался сам собой.

Зловещее зарево на Западе. Оно воздействует не только на скорпов, но и на всех тварей, гоня их перед собой плетью страха. Люди не исключение – все знают, что несет с собой это зарево. И если это чувствует человек – отчего бы не почувствовать этим спящим машинам. Ведь каждый знает – внутри каждой стальной громады – обыкновенный человеческий мозг. Дряхлое серое вещество, заменяющее машине бортовой компьютер. И если машина не мертва, а просто дремлет...

Низкий раскатистый звук донесся из глубины корпуса. Омерзительный звук голодного желудка.

– Пусти... – пробормотал Назар. – Пусти меня!

Он бился об стены, колотил металл кулаками, вопил, словно внутри него бесновались демоны. Эти демоны в ужасе рвались на волю, чтобы не стать пищей для еще более жуткого демона из стали и пластика. А под ногами уже что-то булькало и чавкало, глаза разъедало ядовитыми испарениями – биореактор приходил в действие, стремясь растворить в себе неожиданную добычу.

– Выпусти меня!!!

Вцепившись в приклад, Назар отчаянно пытался расширить спасительную щель, уже не думая о хищниках, поджидавших его снаружи. Проснувшиеся потроха железного монстра все входили во вкус, издавая новые звуки, мерцая новыми огнями и производя все более пугающие движения. Поверхность под ногами вдруг дрогнула и сдвинулась с места. Послушник в ужасе осознал, что эта движущаяся поверхность – не что иное, как пресс, стремящийся смять взбунтовавшуюся плоть для более удобного усвоения.

В полном отчаянии Назар бился в проклятую крышку, бешено ворочая «рычагом» штуцера. Пресс быстро уменьшал свободное пространство – скоро начнут трещать и ломаться кости.

По какому-то наитию послушник сдвинул приклад так, чтобы ствол попал между крышкой и гранью прессы. Теперь смертоносное усилие работало против машины. Механические приводы крышки застонали – и с хрустом лопнули. Крышку отбросило в сторону,

и парень успел прошмыгнуть в образовавшуюся щель прежде, чем сомкнулись челюсти прессы.

Не успев перевести дух, Назар бросился в темноту – и вовремя. Рядом с грохотом упала гигантская железная лапа-манипулятор. Ржавые когти впились в почву, шумно сгребая камни. Оживший монстр пытался дотянуться до него – но не хватило сил и реакции полусонного механизма.

Только теперь Назар в оцепенении замер, вслушиваясь во тьму, но характерного страшного треска не было. Скорпы ушли. То ли твари насытились трупом своего убитого сородича, то ли им просто надоело ждать спрятавшегося человека. Но скорее всего – они просто продолжили бегство.

Их гнал страх.

И вслед за ними теперь бежала несостоявшаяся жертва.

* * *

До стен Крепости он добрался с рассветом. Суровые, уходящие ввысь мрачные плоскости стен казались ласковыми и теплыми. Ведь это свои стены. И не важно, что за ними, возможно, его ожидает наказание. Его вина хотя бы в том, что он остался жив – когда полегли лучшие. А еще он нарушил запрет, вторгшись в Некрополь Проклятых и в довершение всего потерял оружие.

Но все это не имеет значения сейчас, когда его слабые руки колотят в глухие ворота и нет сил прокричать свою страшную весть.

– Откройте! Беда!

Он не помнил, как его подхватили на руки бойцы-послушники, как он бормотал в бреду, пока его тащили в сторону боевого каземата, где уже ждали суровые старшины во главе с игуменом.

Когда он, наконец, пришел в себя, напившись целебного отвара из рук боевой сестры, старшинам не пришлось ничего пояснять. Они поняли его с полуслова. Просто потому, что вся жизнь Крепости – непрерывное ожидание неизбежного.

– Надо предупредить всех, – обводя боевых братьев хмурым взглядом, сказал отец-настоятель. – Предсказатель был прав – она вернулась. Готовьтесь принять удар.

Он помолчал, поглядев на стену – будто мог видеть сквозь нее, – и его слова прозвучали приговором:

– Идет Волна.

Глава 1

Поворот не туда

Выпуклый глаз, не моргая, таращился в степь. Созерцал узким вертикальным зрачком пространство, в которое уползали зачем-то две бессмысленные ржавые железные полосы. На одной из полос и сидела тварь – железо было теплым, нагретым полуденным солнцем, и холоднокровное тело наливалось целительной энергией. Тварь ждала пищу – и терпение ее было безмерно. Просто потому, что добычу здесь можно ждать месяцами. Или не дожидаться вовсе.

Однако сейчас, похоже, ситуация менялась. В унылом однообразии степи появилось нечто новое. Какое-то легкое марево возникло впереди, и неподвижный глаз отправил в мозг равнодушный сигнал: рядом потенциальная добыча. Или напротив – более сильный хищник. А стало быть, пора выходить из оцепенения, которое помогало экономить драгоценные силы. Медленно повышается температура тела, и скоро существо вернет себе способность двигаться – нападать и защищаться.

Правда, процесс опасно затянулся – просто потому, что ничто в этих скудных местах не происходит слишком быстро. Тварь не могла ожидать, что угроза станет приближаться с такой чудовищной скоростью. Зловещая тень возникла в мареве и увеличивалась убийственно быстро. Впереди мчалась стена горячего ветра, нарастал рев. Тварь осознала угрозу, и крошечный мозг отправил телу сигнал: покинуть опасную железную полосу. Зашевелились лапы, покрытые чешуей и кожистыми складками, тело успело повернуться поперек ржавой полосе.

Но поздно.

Темная громада увеличилась в размерах почти мгновенно, налетела смертельным ураганом, обдав жаром и плотным ветром, – и покрытое чешуей тело разлетелось кровавыми ошметками, так и не успев осознать смысла своего жалкого существования.

Железное чудовище пронеслось по живому препятствию на рельсах, даже не дрогнув. Сколько безмозглых мотов уже намотано на стальные колеса – не сосчитать. Слишком редким гостем была в этих местах стремительная, чудовищная машина.

Со стороны бронепоезд казался железным монолитом, застывшим в виде причудливой формы. Бронированный состав пер через степь, источая жар и мощь, и оставалось удивляться, как под ним не проламываются рельсы, не проседает темная земля. Наверное, потому, что броня все-таки скрывала под собой что-то более легкое и хрупкое, чем можно было бы подумать.

Живых существ. Человеческих – в той или иной мере.

С грохотом откинулась тяжелая крышка, из люка показалась рука, выбросила на крышу тяжелый арбалет. Тот глухо стукнул о металл, и следом из люка выглянула голова – с копной выгоревших на солнце волос, с лицом, скрытым за куском ткани, выполнявшей роль противопыльной маски.

– Эй, Ник! Ты бы там не увлекался свежим воздухом! – раздалось из глубины вагона. – Здесь радиоактивные поля кругом. Хватанешь пыли – и труба дело.

– У меня все под контролем, Зигфрид! – звонким молодым голосом отозвался человек в маске. Поглядел на срез древесной ветки у себя в руке – тот был странного ядовито-фиолетового цвета. – Фон в норме!

Легко подпрыгнув, парень оказался на крыше вагона. Уселся на броню и с отвращением стянул с лица плотную ткань, подставив ветру загорелое лицо, с которого не сползала счастливая улыбка.

Книжник успел полюбить ветер и мерный перестук колес. Всего этого не было в его прежней жизни. Угрюмые руины Москвы не терпят торопливости. Любое неосторожное движение грозит там смертью. Там жесткая конкуренция – за каждый квадратный метр свободной земли, за еду, за ресурсы. Лишь за надежными стенами Кремля можно чувствовать себя в безопасности. Там зреет, готовая вырваться на волю, энергия нового человечества.

А здесь – тишина и простор. Можно нестись часами – и не встретить ни единого живого существа. Умом Книжник понимал, что тишина эта обманчива, но хотелось верить в то, что видели глаза, что ощущала кожа. Хотелось верить, что Последняя Война оставила на Земле хоть какие-то участки чистой, нетронутой земли.

Конечно, это не так. Нет таких мест на этой несчастной планете. Чтобы они появились, нужны усилия миллионов людей. Только нет их, миллионов. Сгинули все – кто в огне ядерной войны, кто в долгую лютую зиму, пришедшую следом. Двести лет уж прошло – а ужас Последней Войны упорно преследует выживших, как расходящиеся круги на воде. Но ничего – медленно, но верно цивилизация вернется. А потом и люди начнут отдавать долги своей истерзанной земле.

Хочется в это верить, восседая на грохочущем наследии этой самой войны. И, как ни странно, сказать ей за это спасибо. Иначе не появиться бы на свете этой странной, архаичной, угрюмой и мощной машине. Бронепоезд «Дракон» – редкое в этом мире средство передвижения. Как иначе можно преодолеть тысячу-другую километров по опасным местам? Только под защитой надежной брони и мощных танковых башен, установленных на броневозах. Степи лишь кажутся пустыми и безопасными.

Любое движение на этих просторах намекает на близость угрозы – начиная от беспощадных орд кочевников и заканчивая радиоактивными пыльными бурями. Все это стремится навсегда припечатать тебя к земле, смешать с сухой безжизненной почвой. И прав Зигфрид: лучше бы сидеть внизу, в тесном и душном вагоне. Да только тошно стало от подземелий и стен. Взгляд, отравленный красотой крымских просторов, снова жаждал увидеть далекий и ровный горизонт.

Вагон качнуло, затрясло. Скрипнув, чуть повернулась в сторону оружейная башня. Книжник невольно вцепился в край люка, чтобы не слететь с крыши. Видать, переехали поврежденный рельс. «Дракон» в состоянии преодолевать такие преграды. На пути из Севастополя их было немало.

Вспомнив мрачно-багровое море, Книжник нахмурился. Страшная пучина не отпускала его, приходя ночными кошмарами и грозя задушить во сне. То ли он настолько впечатлителен, то ли море действительно пробралось в его разум, засеяв его ядовитыми спорами. Путешествие по его кровавым водам еще долго будет отзываться в памяти семинариста зловещими воспоминаниями. Ржавая скорлупка батискафа, скрежещущая под волнами, как орех в руках гиганта, давящее чувство беспричинного страха, излучаемое мертвой бездной, – все это способно свести с ума. Но – странное дело – при всем при этом он не хотел забыть образ удивительного прибрежного города. Севастополь навсегда останется в его сердце¹.

Но пора возвращаться. Далеко на севере ждут родные стены. Родина, сжавшаяся в почти незаметную точку на бескрайнем обожженном войнами теле планеты. Точку, обозначенную при этом на всех географических картах, что не успели истлеть за минувшие двести лет дикости.

Кремль.

Древняя крепость, оставшаяся где-то, в туманной дали. Там, за привычными с детства стенами, мир казался совсем другим. Можно перечитать горы книг, выслушать бесчис-

¹ Об этих событиях рассказывает роман В. Выставного «Кремль 2222. Севастополь».

ленные рассказы наставников – этого все равно недостаточно, чтобы представить себе мир таким, какой он есть, за этими мощными стенами. Еще с семинарии Книжник знал о том, что Земля – шар, но почувствовал это только сейчас, когда все знакомые ему места скрылись за изгибом горизонта. Он чувствовал себя дикарем, которому показали диковинную безделушку. Правда размером с планету. Почему-то это обстоятельство ничуть не удивляло ни Зигфрида, ни Тридцать Третьего, с олимпийским спокойствием управлявшего ядерным сердцем паровоза.

– Ну, чего нового?

Книжник вздрогнул. Рядом бесшумно возникла ладная фигура Зигфрида. Воин умел подкрадываться незаметно, и привыкнуть к этому было трудно.

– Да все так же, – отозвался семинарист. – Степь и степь. Ничего нового. Глядишь, так и доедем без приключений до самого Купола.

Он тут же прикусил язык. Плохая примета – заранее отмахиваться от неприятностей. Путь-то впереди неблизкий. Это не говоря даже о том, что и Купол над Москвой – сам по себе серьезная преграда. Но когда все спокойно, может показаться, что все это далеко и неправда. Ведь сейчас дует приятный теплый ветерок, да греет солнце – все это прогоняет дурные мысли.

Да только Зигфрид цепко поймал его на слове, усмехнулся:

– До Купола, говоришь? Мы и до Перекопа едва доехали, и то проскочили чудом. Спасибо Тридцать Третьему – дал чертям жару. Снарядов, считай, меньше половины осталось.

– Что – снаряды, – пробормотал Книжник, вспомнив минувшую жаркую ночь. Сжал покрепче арбалет. – Они же пути разобрали! Хорошо, что для «Дракона» это не помеха...

– Вот-вот, считай, легко отделались, – продолжал вест. – А что дальше будет?

– Смотри, не накликай! – буркнул Книжник

– А ты не расслабляйся! – веско отозвался воин. Поглядел вдаль, прищурился. – Это еще что такое?

– Чего там? – Книжник пытался проследить взгляд друга, но ничего не увидел – солнце слепило. Да и не так остер у него взгляд, как у воина народа вестов. – Не могу разглядеть...

– Да вон же, на путях, между холмами. Не видишь, что ли?

Теперь и Книжник разглядел по ходу поезда крохотную черную фигурку. Та замерла прямо на рельсах. Мут какой-нибудь? Уже столько безмозглых тварей намотал «Дракон» на тяжелые железные колеса, что и вспоминать не стоило, но сейчас легкое беспокойство кольнуло сердце.

Никакой это не мут. Фигура была человеческая. Что, конечно, не являлось гарантией того, что это не мог быть мутант. Однако все же есть разница между мутотом диким и мутотом разумным. И разница эта не в пользу разумных – те всегда опаснее.

Паровоз издал резкий свист: механик в своей бронированной кабине заметил препятствие. А еще через несколько секунд раздался протяжный гудок и бронепоезд начал снижать скорость.

– Чего это он тормозить решил? – нахмурился Зигфрид, легко подымаясь на ноги. – Пойду Три-Три скажу, чтобы прибавил ходу!

– Ты что? – всполошился Книжник, подпрыгивая следом. Тревожно поглядел на приближающуюся фигуру. – Это же человек!

– То-то и подозрительно, что человек, – не оборачиваясь, сказал Зигфрид. Он быстро двинулся по направлению к паровозу. – Откуда здесь взяться человеку?

С короткого разбега вест перемахнул на угловатую, закопченную махину паровоза. Иногда Книжник спрашивал сам себя: откуда здесь только копоть взялась, если двигатель локомотива – ядерный?

Быстро пройдя до уродливого выступа кабины, Зигфрид заколотил кулаком в щиток над смотровой щелью, заорал:

– Прибавь ходу, Три-Три! Захочет – с пути соскочит, а нет – сам виноват!

Книжник растерянно переводил взгляд с фигуры неизвестного на Зигфрида. Эта неподвижная фигура почему-то внушала тревогу. В голове мелькнуло тоскливое:

«Вот же, накаркал!..»

Поезд стал снова набирать ход, и одинокая фигура приближалась все быстрее. Незнакомец даже не думал уступать дорогу. Еще немного – и его просто сметет с пути мощной машины.

И Книжник не выдержал. Внутри будто что-то сорвалось. Метнувшись вслед за Зигфридом, загрохотав по железу тяжелыми ботинками, он достиг кабины и, оттолкнув воина, припал к узкой обзорной щели, завопив скрытому за броней машинисту:

– Тормози! Слышишь! Тормози, я сказал!!!

И тут же кубарем полетел на узкую площадку, едва не свалившись на насыпь, – благо не позволили ржавые поручни. Душераздирающе завизжал металл, бронепоезд затрясся, как в лихорадке. Реакция у Тридцать Третьего завидная – как и полагается кио. Экстренное торможение сопровождалось тряской и скрежетом, древние рельсы грозили пойти вразнос. Впрочем, до самого последнего момента казалось, что спохватились слишком поздно. Еще немного – и неизбежный смертельный удар отбросит хрупкое тело этого упертого. Из-под колес сыпались искры, бронепоезд продолжал ползти вперед – бесконечно долго, словно рельсы были густо смазаны солидолом. Конечно, так только казалось, и железная махина, наконец, остановилась.

Почти уткнувшись передней платформой в фигуру неизвестного.

Где-то за спиной, со скрипом открыв бронедверцу, выглянул из паровозной кабины Тридцать Третий. Выглядел он слегка удивленным и немного раздосадованным – хоть и говорят, что кибернетические организмы не испытывают эмоций.

За несколько секунд до этого Зигфрид уже соскочил на гравий и со звоном выдернул меч из заплечных ножен. Он шел вдоль пышущего жаром борта паровоза с явным намерением разобраться с дерзким незнакомцем. Поверху, по крышам паровоза и броневаргона, к передней платформе двигался Книжник, на ходу взводя тетиву электрическим приводом. Получилось не сразу: новый арбалет ему сделали севастопольские умельцы по описанию прежнего, потерянного в блужданиях по древней Тавриде. Оружие вышло на славу, но имело непривычные особенности.

– Есть!

Тяжелый заостренный болт, наконец, выскочил со щелчком из магазина, заняв свое место в направляющих перед тетивой. Вскинув арбалет на уровень глаз, Книжник осторожно выглянул с края платформы. Моргнул, коснувшись спусковой скобы потным пальцем и не зная, что делать дальше. Потому что, как на стену, наткнулся на взгляд пронзительных, глубоко посаженных глаз. Эти глаза в болезненных темных кругах притягивали к себе, как гипнозом. А может, то и был гипноз – стоило большого усилия сбросить этот тяжелый, пронзительный взгляд. Да и то, это удалось лишь потому, что на плечо незнакомца легла тяжелая рука Зигфрида.

– Чего встал тут? – хмуро, с угрозой проговорил воин.

Незнакомец молча перевел взгляд на воина. Зигфрид спокойно выдержал это, только Книжнику показалось, что у того дернулась жилка на виске. Наверное, только показалось – с чего это весту нервничать перед каким-то убогим? Он и впрямь выглядел не вполне нормальным: в каком-то бесформенном рубище из мешковины, ниспадающем рваными клочьями. Уродливый мешок за плечами да сучковатый посох в руках – вот и все его имущество. Только лицо в окаймлении узкой, с проседью, бороды, выделялось какой-то благородной и в то же

время жутковатой отточенностью черт. И никаких признаков оружия при нем – довольно странно в таких диких местах. Если бы не этот острый взгляд, можно было бы принять его за обыкновенного полоумного бродягу. Только не выжить безумцу в этих пустынных местах. Да и нигде не выжить, по большому счету. В одиночку вообще не живут долго, и только в очень немногих местах на этой земле могут позволить себе содержание таких вот бесполезных людей.

Нищие да юродивые – роскошь, атрибутика богатого и расточительного общества.

– Чего молчишь? Немой, что ли? Ну?! – с угрозой произнес Зигфрид.

Глядя с платформы, Книжник облизал пересохшие губы. Эта задержка в пути ему нравилась все меньше. Уж больно похоже на засаду. Он нервно глянул в одну сторону, в другую. Вокруг голая степь, и спрятаться вроде негде. Но отчего тогда так тревожно на душе?

– Ты что там, воды в рот набрал? – отрывисто спросил Книжник. Кивнул в сторону Зигфрида. – Ты с ним лучше не шути, он тебя быстро на запчасти разберет.

– За что? – глухим голосом, словно нехотя, спросил незнакомец.

– За то, что у нас на пути торчишь. Нам это не нравится.

– Земля большая, места всем хватит, – странным тоном произнес человек, и взгляд его затуманился. Он казался каким-то не от мира сего, но не дурачком, не юродивым, а просто погруженным в себя. Будто ему нет дела до мелких глупостей, творящихся вокруг.

– Ты, я вижу, шутник, – холодно сказал Зигфрид. – А я не люблю неуместных шуток.

– Чего на рельсах-то встал? – пришел на помощь Книжник.

Взгляд незнакомца снова стал острым, пронзительным. Он поглядел на Зигфрида, перевел взгляд на Книжника – словно за ним признал лидерство. Сказал отчетливо:

– Путь, проложенный другими, – это вряд ли твоя дорога.

– Что ты хочешь этим сказать? – насупился Книжник.

– Да он просто псих! – потеряв терпение, заявил Зигфрид. Схватил его за плечо, попытался стащить со шпал. Но наткнулся на все тот же острый взгляд замер. Моргнул, пытаясь прогнать наваждение.

– Убери руки, – сказал незнакомец.

Зигфрид подчинился, убрал ладонь. Судя по всему – против своей воли. Дернулся в сторону незнакомца – и вдруг выронил меч. Книжник раскрыл рот от изумления: такого Зигфрида он никогда не видел. Кто это такой? Телепат? Мутант какой-то? Их много развелось, встречаются и с мощными ментальными способностями.

– Ты кто такой? – прохрипел воин, сжимая онемевшие пальцы.

– Посланник рока, – так же глухо сказал незнакомец.

– О как? – сквозь зубы процедил Зигфрид. – Ты, никак, угрожаешь?

– Напротив. Спасти хочу.

Незнакомец замолчал, внимательно изучая Книжника. Ощущение было неприятным.

– Зачем тебе это? – осторожно спросил парень. Он почти уже уверился, что перед ним – опасный психопат. Палец на спусковой скобе начинал чесаться.

– Наши пути пересеклись в этой точке мира, – странным голосом произнес незнакомец. – Случайностей не бывает. Стало быть, зачем-то вы оказались у меня на пути.

– Это мы – у тебя на пути? – Зигфрид поглядел на пышущую жаром тушу бронепоезда, перевел взгляд на тощую фигуру в рубище, присвистнул: – Ну-ну.

Человек проигнорировал иронию, продолжил, обращаясь исключительно к Книжнику, будто только его считал достойным собеседником:

– А раз вы мне встретились, я помогу вам, – он помолчал немного. – Вперед вам нельзя. Там смерть.

– Что там не так? – напрягся Книжник. – Радиация? Засада?

Человек не ответил. У него была странная манера вести беседу: он говорил скупыми фразами, словно экономил слова. И, видимо, считал, что и без того оказал неоценимую услугу экипажу железной машины. Зигфриду эта манера явно не нравилась. С самого начала вест ощутил неприязнь со стороны незнакомца и готов был ответить взаимностью.

– А вот мы сейчас проверим, – недобро проговорил он.

Крутанул в руках меч – и отправил его в заплечные ножны. Грубовато подтолкнул незнакомца к головной бронеплатформе:

– С нами поедешь. Если засада – умрешь первым.

Незнакомец не стал спорить. Он ухватился за края бронепластин и с неожиданной легкостью взлетел на платформу, отказавшись от помощи Книжника, протянувшего ему руку. В этот момент в глазах странного человека семинаристу почудилось холодное удовлетворение – словно не путника взяли в плен, а он сам использует ситуацию в своих целях.

– Как звать-то тебя? – опустив арбалет, осторожно спросил семинарист.

– Не важно, как ты сам себя зовешь, важно, как назовут тебя люди, – в своей туманной манере отозвался незнакомец.

– Ну и как они тебя называют?

– Кто как. Все чаще Ведуном кличут.

– Это что же, вроде как... колдун? – Книжник недоверчиво оглядел нового знакомого с головы до ног. – Правда, что ли?

– Так то ж люди говорят, им виднее, – небрежно, глядя в сторону, отозвался человек.

Книжник поднял голову. Над ними кружило черное кольцо из летающих падальщиков. Подобного Нику еще не доводилось видеть – обычно крылатые мутанты летают хаотично, как летучие мыши. И сразу подумалось: они не просто над поездом носятся, а аккуратно над новым попутчиком.

Семинарист ощутил, как по спине пробежал ледяной холодок.

– Ну, что, поехали? – с прищуром глядя на Ведуна, с некоторым вызовом сказал Зигфрид. Поднес ко рту переговорное устройство, от которого в сторону вагона тянулся толстый металлизированный кабель, бросил:

– Три-Три, давай вперед помалу.

По всему было видно: вест не верит случайному попутчику, но не в его правилах было пренебрегать даже возможной угрозой. Чего-чего, а чрезмерной высокомерности за Зигфридом не водилось.

Поезд медленно, со скрипом, пополз вперед. Попутчик, назвавшийся Ведуном, спокойно смотрел вперед. Семинаристу тогда показалось, что этот человек заранее знает, что их ждет впереди, за древним курганом. Это холодное спокойствие странным образом передалось и Книжнику. Он даже не удивился, когда Зигфрид тихо проговорил:

– Что за чертовщина...

Из-за кургана, вокруг которого по ржавым путям медленно полз стальной червь бронепоезда, показалось зловещее марево. Книжник не успел ничего толком сообразить, как вест крикнул в переговорное устройство:

– Три-Три, стоять!

Под мерзкий скрип тормозных колодок поезд завибрировал и замер. Семинарист не сразу разглядел то, что заставило Зигфрида остановить машину, но на то он и Зигфрид, что чувствует острее и видит дальше. Лишь взглядевшись в пыльную даль, Книжник, наконец, понял, в чем дело. И ощутил прилив удушающего страха.

Ведь они могли не заметить и тогда, скорее всего, на полном ходу ворвались бы в это почти незаметное нечто. Пустынные степные просторы казались спокойнее, безопаснее московских развалин.

А зря. Это легкое марево прямо по курсу, поднимавшееся над полотном железной дороги и уходившее в обе стороны до самого горизонта, не сулило ничего хорошего, ведь имя ему – Поле Смерти. Одни считают его просто необъяснимой природной аномалией, другие – мистическим порождением Последней Войны. Третьи же утверждают, что это мутация самой структуры пространства-времени. Не зря ведь в глубинах таких Полей можно увидеть картинки далекого прошлого – города, зелень, толпы людей, – того, чего нет и не может быть в настоящем. Явление это страшное, но достойное тщательного научного изучения. Поля Смерти встречаются разной силы, разных свойств и масштабов – и такие, что убивают мгновенно, и такие, что закаляют сталь клинков, даря тем удивительные свойства. Некоторые вызывают недомогания и галлюцинации, другие – необратимые изменения в организме, мутации.

Вопрос, какое из бесчисленных видов Полей сейчас перед ними? Можно ли промчаться сквозь него на полном ходу – или их расплющит, как при ударе о бетонную стену? С этими штуками никогда не знаешь заранее.

Может, Ведун не солгал и стоит повернуть назад?

Книжник досадливо крякнул: легко сказать – повернуть назад. А куда – назад? К Перекопу, где степняки уже оправались от неожиданного удара, подготовились и ждут их, чтобы расправиться наверняка? В Севастополь, где врагов еще больше? Это лишь кажется, что броня дает совершенную защиту. Нет в этом мире ничего более совершенного, чем искусство разрушения и убийства себе подобных.

Так что назад пути нет. Не проще ли рискнуть и, положившись на судьбу, ринуться в это адское пекло?

– Что это за Поле, Ведун? – спросил Зигфрид. – Насколько оно опасно?

– Вам его не пройти, – спокойно сказал Ведун.

– Потому что оно смертельно? – подсказал Книжник.

– Потому что ваш путь лежит в другую сторону, – ровно сказал Ведун.

– Это нелогично, – проворчал Книжник. – Ты путаешь причину со следствием.

– В том и беда человеческого рода – он всегда путает свой путь с конечной целью.

– Можно подумать, ты знаешь нашу цель! – рассердился Книжник.

– Может, и знаю, – невозмутимо отозвался Ведун, чем неожиданно взбесил Зигфрида.

– Ну, хватит языками чесать! – рыкнул он. – Пойду сам посмотрю, что это за дрянь такая!

Перегнувшись через бортик платформы, Зигфрид поглядел на Ведуна тяжелым взглядом.

– Ты тоже пойдешь со мной! Если почую неладное...

Он не договорил – Ведун не стал дожидаться конца фразы, а просто легко спрыгнул на гравий и двинулся вперед – напрямик к зловещему мареву. В лицо ему ударил горячий ветер, взметнув длинные всклокоченные волосы и края серого балахона. Казалось, Поле не желает подпускать к себе этого человека. Как ни странно, шедшего рядом Зигфрида ветром даже не задело.

Книжник торопливо спрыгнул с платформы, запоздало крикнув:

– И я с вами!

– Стой там! – приказал Зигфрид. – Будет глупо, если все разом ляжем...

Книжник замер – но затем медленно двинулся следом. Было жутковато, но любопытно. Больше всего интриговал этот самый Ведун. Кто он – ловкий шарлатан? Псих? Или коварный враг, прикинувшийся бродягой?

Все трое медленно приближались к границе марева. Поле Смерти всегда имеет четкую границу – это и позволяет замечать его и избегать гибели. Впрочем, везет не всем – Книжник

сразу приметил рядом с рельсами изуродованный труп какого-то мута. Определить, что это за тварь, было трудно. На то они и муты, что всегда разные.

Заметил он и еще одну крайне неприятную вещь: рельсы обрывались на границе Поля, словно срезанные острым ножом. В глубине этого зыбкого пространства уже не было путей ни рельсов, ни шпал. Ничего. Даже следов железнодорожной насыпи – одна лишь голая степь. Словно следы человеческой деятельности были тщательно стерты с лица земли.

– Как это? – пробормотал Книжник.

Он присел на корточки, покачался из стороны в сторону, надеясь, что увиденное – всего лишь оптический обман. Но тут хоть на голову встань – рельсов дальше не было, и точка.

Зигфрид поднял с земли камень и бросил в сторону Поля. По едва заметной поверхности разбежались бледные разводы, вроде электрических разрядов. Камешек беззвучно упал по ту сторону границы. Воин внимательно следил за падением. Семинарист понял: он проверяет, действительно ли там отсутствуют рельсы, или все это лишь ловкая иллюзия. Во втором случае камень должен отскочить от «несуществующего» рельса или шпалы. Вместо этого он поднял лишь облачко пыли на месте пропавшего металла.

– Приехали, – ровно сказал Зигфрид.

– Ничего, – неуверенно проговорил Книжник. – Сдадим назад – километрах в десяти я стрелку видел. Может, объемом как-нибудь?

Сказал – а сам подумал: что они вообще знают о древней системе железных дорог? Можно ли и вправду приехать в Москву разными путями? Или дорога только одна – прямая, как стрела, переломленная так некстати подвернувшимся Полем Смерти? Сам он, надежно хранивший в памяти карту мрачных московских улиц, географию остального Земного шара представлял смутно. Даже десятки тщательно изученных книг не могли дать того знания, что дает непосредственный опыт. Скажем, те же железные дороги куда лучше были известны бывшим хозяевам бронепоезда – Пузырю и его банде. Эти негодяи, может, книжек и не читали, зато исколесили на «Драконе» куда большие расстояния и ориентировались в железнодорожной сети получше обитателей московских «каменных джунглей».

– Как считаешь, Ведун, объезд-то найдется? – спросил парень.

Мрачный спутник не удостоил его ответом. Он созерцал таинственную глубину Поля. Черт его знает, что он там видел, – Книжник ничего, кроме камней да сухой травы, не замечал. А потому невольно отвел взгляд в сторону – и приметил какое-то движение. Не живое, нет – что-то темное и легкое трепало там горячим степным ветром.

– Зиг, – позвал семинарист. – Видишь?

– Вижу, – мгновенно отозвался вест. – Сейчас погляжу.

Он быстро переместился вдоль границы Поля, чуть поднявшись на склон древнего кургана. Обернулся, сделал знак остальным:

– Сюда!

Находка не была приятной. Это было мертвое тело. Женщина, чье черное платье из грубой ткани и трепало порывами ветра. Обычное дело в этом мире – мертвецы на дороге. Хотя, если подумать – не такое уж и частое: редко когда неподвижное тело залеживается надолго в этом голодном мире. По идее, со всех сторон сюда должны стремиться падальщики. Да только не видать охотников поживиться мертвечинкой. Странно – даже летающие над головой Ведуна муты игнорируют дармовую органику. Что с ней не так?

– Она из Поля выползла, – присев рядом с телом, сообщил Зигфрид. – Вон, след в пыли и трава прижата.

– Выходит, Поле убило ее? – предположил Книжник.

– Похоже, – с сомнением произнес вест.

– Поле здесь ни при чем, – сухо сказал Ведун. – Посмотрите внимательно: ей свернули шею.

Сверкнув взглядом в сторону Ведуна, Зигфрид снова склонился над мертвой. Нехотя признал:

– Точно говоришь. Только кто же это мог сделать – здесь, в безлюдной степи? – он выразительно поглядел на нового знакомого.

Книжник покосился на друга:

– Думаешь, это он?

– А что еще думать? – Зигфрид медленно поднялся, выдернул из ножен на поясе кинжал, который редко использовал в качестве оружия, поглядел на хмурого Ведуна. – Что скажешь, а?

Некоторое время мрачный человек в лохмотьях просто разглядывал воина, не показывая ни раздражения, ни страха. Затем произнес, будто нехотя:

– Ты всегда рассуждаешь так прямолинейно?

Зигфрид с Книжником ожидали продолжения – они не привыкли к такой скупой экономии слов. Но этот тип не считал нужным продолжать. Уже тогда семинарист понял: раз Ведун счел нужным что-то произнести вслух, то этого вполне достаточно для понимания его мысли. На первый взгляд, довольно странная манера говорить, но где-то Книжнику доводилось читать о подобном мировоззрении: не увеличивай энтропию мира – так, кажется, это звучит. Проще говоря, не совершай лишних действий – ведь каждое из них приближает гибель Вселенной. Или что-то в этом роде.

В любом случае, то, что кажется нормальным для какого-нибудь шамана или колдуна, у обычного человека вызывает раздражение. Вот и Зигфрид окрысился, недобро поигрывая кинжалом:

– Ты со мной в эти игры лучше не играй. Я человек простой...

Его слова оборвал странный звук. Странный не сам по себе, а просто невозможный здесь и сейчас – посреди сухой пустыни, на границе Поля Смерти, рядом с мертвым телом. Это был детский плач. Точнее – тихое всхлипывание. Отчего-то этот звук вызвал у Книжника приступ паники. Он резко обернулся, одновременно сдергивая с плеча арбалет.

Рядом с телом, прямо на земле, сидел ребенок – Мальчишка лет пяти в бесформенной серой одежде. Взоросший, чумазый до такой степени, что на лице угадывались только глаза – огромные, светлые, растерянные. Он сидел рядом с лежавшей ничком женщиной и настойчиво тянул ее за руку, словно пытался поднять ее и увести куда-то за собой.

Книжник с Зигфридом переглянулись.

– Откуда он взялся? – пробормотал парень.

– Эй, как тебя зовут? – дружелюбно, делая шаг навстречу, спросил Зигфрид.

Мальчишка лишь всхлипнул в ответ.

– Не трогайте его, – глухо сказал Ведун. – Надо уходить отсюда.

– И бросить ребенка одного? – разозлился Книжник. – Здесь, рядом с трупом матери?!

– Сентиментальность сгубила мир, – странно сказал Ведун.

– Что ты хочешь этим сказать? – Зигфрид вдруг остановился и медленно отвел руку, протянутую было к ребенку. Во взгляде воина появилось сомнение. Мальчишка же продолжал сидеть рядом с телом, глядя на незнакомцев тем же выразительным и даже трогательным взглядом.

Вот оно что – взгляд! Мальчишка не боялся чужаков – не убегал, не прятался. Это было совершенно противоестественно, даже если учитывать скорбь по убитой матери.

– Ты вроде спрашивал, кто свернул ей шею? – холодно произнес Ведун.

– Да ладно! – обмер Книжник. – Не может быть...

– Может, тебе интересно, кто пил ее кровь?

С нарастающим ужасом Книжник разглядел на шее мертвой бледный след укуса. В ту же секунду мальчишка изменился в лице – по коже пробежали волны, глаза налились кро-

вью. Он вдруг оскалился – и взгляду открылись кривые желтые клыки со следами крови. Издав пронзительный, рвущий барабанные перепонки вой, «мальчишка» произвел короткий бросок в сторону Зигфрида – не столько чтобы напасть, сколько чтобы напугать. И ему это удалось: Зигфрид шарахнулся назад от неожиданности – ибо сложно было ожидать нападения от пятилетнего ребенка, который вдруг оказался и не ребенком вовсе, а каким-то невообразимо жутким монстром, лишь притворившимся человеческим детенышем.

Отскочив от Зигфрида, в котором эта тварь, похоже, сразу признала угрозу, она метнулась напрямик на Книжника. Семинарист будто видел сон: с силой оттолкнувшись и взмыв в воздух, «мальчишка» на глазах, как в замедленной съемке, преобразился во что-то неведомое и инфернально ужасное. Лицо посерело, оплыло вниз – вместе с нижней челюстью, отвалившейся под противоестественным углом. Глаза закатились, оставив лишь белки, пронизанные кровавой сеткой сосудов. Но все это меркло на фоне клыков, вылезших из челюстей, как грибы из влажной почвы. Эти клыки охотились на него – Книжника, который в немоном отупении ждал развязки, краем сознания поняв, что у него просто не хватит реакции, чтобы отбиться.

Все произошло в секунду. Тихая тень возникла между жертвой и кошмарным мутантом, раздался глухой удар. Книжника отбросило на землю.

– А!!! Черт! Черт! – он запоздало отползал и отмахивался, не понимая, что произошло.

Потребовалось какое-то время, чтобы разглядеть в спасительной тени Тридцать Третьего, сжимавшего в крепких объятьях какой-то мечущийся ком. В этом дергающемся и хныкающем существе Книжник с изумлением увидел обыкновенного пятилетнего малыша – того, каким он предстал с самого начала. И не было в этом мальчишке ничего от коварного безжалостного хищника.

Возможно, потому, что его сжимали мощные нечеловеческие руки. Это только с виду Три-Три – низкорослый полноватый увалень. На деле он – сложный кибернетический организм, машина убийства – пусть даже слегка бракованная, как иногда шутил он сам. Тем не менее, танталовый скелет и синтетические мышцы придают ему по необходимости силу экскаватора.

– Убей его! – выдохнул Книжник, не столько со злобы, сколько со страху. – Прикончи его, ну!

– Зачем? – удивился Три-Три, продолжая удерживать маленькое чудовище, которое удивительным образом быстро успокоилось в его руках.

– Это не ребенок, это... Это... – Книжник задохнулся, слова застряли у него в горле.

– Я знаю, что это не ребенок, – спокойно сказал кио, оглядывая мальчишку на вытянутых руках, как экзотического зверя. – Это мимикрон.

– Это ты прямо сейчас придумал? Что за монстр такой? – наливаясь краской, спросил Книжник. Ему вдруг стало стыдно за собственную кровожадность. Ясное дело, коли на тебя напали – ты должен убить врага, но если враг обезврежен – можно ли уподобляться каким-нибудь мародерам? Это в их обычаях – убивать, мучить, резать на части.

– Это мимикрон, – повторил кио, делая шаг назад. Прижав к себе «мальчишку», он поглаживал его по голове с какой-то неожиданной почти что отцовской теплотой. – Давно я их не видел – думал, вымерли все. Это же искусственно выведенное существо, вроде кио. Только мы научились жить без людей и создавать себе подобных, а этих на военных биофабриках штамповали – и сразу в бой. Понимаете?

– Нет, – подымаясь на ноги, сказал Книжник. – Ты-то вроде на меня ни разу не бросался, и клыков у тебя нет. А из-за этого я, наверное, поседел уже.

– Это его главная способность – мимикрировать в зависимости от обстоятельств и шокировать противника. Ставка была сделана больше на психологический эффект. Но, видно, мимикроны в Войну не особо эффективны оказались, и тогда ставку сделали на кио...

– Все это очень интересно, но что нам мешает прикончить эту тварь? – поинтересовался Зигфрид, перекидывая кинжал из руки в руку. – Если он убил эту женщину, что удержит его от убийства кого-то еще?

Воин надвигался на кио, с явным намерением расправиться с фальшивым «ребенком». Его не разжалобишь рассуждениями о гуманизме и прочих отвлеченных вещах. Для него все четко: друзьям – жизнь и защита, врагам – смерть. Отсутствие сомнений – то, что отличает истинного воина от семинариста, волею судеб взявшего в руки оружие.

– Этот пацаненок – боевая машина, – терпеливо пояснил кио. – Он не может быть ни плохим, ни хорошим – все зависит от того, кто им управляет и кто отдаст приказ. Ведь если твоим мечом убьют твоего друга – ты накажешь свое оружие?

Тридцать Третий говорил рассудительно, но его голос предательски вздрагивал – будто он боялся, что Зигфрид его не поймет. И вдруг Книжник понял – и это понимание поразило его самого. Да ведь Три-Три просто боится за это маленькое чудовище! Он будто нашел родственное существо! Впервые за долгие скитания встретил себе подобного – такого же несчастного уродца, выведенного учеными изуверами в интересах войны. И его ничуть не смущало то, что этот маленький монстр только что едва не убил его друга – не говоря уж о незнакомой женщине.

– Ты странно рассуждаешь, – несколько смягчившись, заметил Зигфрид. – Мой меч, конечно, может оказаться в руках врага, но сам он никогда никого не убьет. А этот мальчишка, или кто он там – убил...

– Я ошибся, – раздался вдруг тихий голос, и все разом обернулись в сторону мрачного чужака, о котором успели забыть. Ведун стоял на коленях рядом с телом, положив широкую сухую ладонь на голову женщины. – Убийца – не он.

– А кто? – тупо спросил Книжник. – Кто же ее тогда убил?

Ведун не ответил. И Книжник даже не испытал раздражения – успел уже привыкнуть к тому, что ответ придется искать самому. Неплохое упражнение для логики.

– Что же этот мут делал рядом с телом? – с прищуром спросил Зигфрид. – Сожрать хотел?

Ведун пронзительно оглядел спутников. Во взгляде темных глаз появилось даже некое сожаление по поводу недогадливости собеседников.

– А почему вы думаете, что в этом существе не осталось ничего от обыкновенного ребенка? – тихо спросил он.

До семинариста не сразу дошел смысл слов мрачного бродяги.

– Ты хочешь сказать... Что он принял ее... за свою мать?

И снова Ведун промолчал.

– А ты, Три-Три, что скажешь? – бросил Зигфрид.

– Может, этот человек и прав, – неуверенно сказал он. – Если мимикрон принял обличье ребенка, то автоматически включилась соответствующая программа – тяга к матери, все эти детские ужимки и все такое. На то он и мимикрон, чтобы умело маскироваться.

– Меня интересует другое, – сухо сказал Зигфрид, снова бросая взгляд на тело. – Кто же ее все-таки убил? Этого твоего мимикрона могли подослать?

– В принципе, да... – кио пожал плечами. – Но зачем?

Продолжить свою мысль он не успел. Призрачная поверхность Поля Смерти заволновалась, как кисель в дрогнувшей чашке, и там, в глубине этого «потустороннего» пространства, стало происходить нечто странное. Воздух словно бы стал сгущаться, конденсироваться – как сгущаются облака над пиками гор. И на пустынной холмистой равнине стали появляться какие-то чужеродные образования. Сначала можно было подумать, что это просто рябит в глазах, однако не может так рябить, чтобы бесформенная облачная масса вдруг

стала превращаться в нечто конкретное, осязаемое, чуждое, но вместе с тем – пугающе знакомое.

– Что это? – потрясенно прошептал Книжник – и не получил ответа.

Потому что никто здесь не мог знать, откуда вдруг появились и двинулись тяжелой поступью прямо на зрителей десятки громадных боевых машин в сопровождении низколетящих дронов прикрытия. Все это происходило в полной тишине, что странным образом лишь добавляло происходящему нарастающего ледяного ужаса. Движение призраков было упорядоченным и неотличимым от реальности. Можно было только догадываться, что так выглядело когда-то наступление боевых биороботов НАТО. Догадываться по летописям, рассказам наставников да выцветшим фотографиям двухсотлетней давности. Последняя Война канула в небытие вместе со своими зловещими картинками, но Поле Смерти способно вытащить из темных закутков времени и не такие картинки. Более того, неосторожно попав в подобное Поле, можно и самому вляпаться в подобное якобы несуществующее пространство и время, и ни один человек из плоти и крови не отличит реальность от собственного бреда. Испытав это на собственной шкуре, Книжник не желал повторения неприятного опыта. Даже если тебя не поджарит радиацией или еще каким незнакомым излучением, тебя может прикончить порождение твоего собственного воспаленного воображения.

Только подумав обо всем этом, семинарист вздрогнул: по ту сторону границы на фоне грозно приближающихся био неведомо откуда возник человек. Как показалось, знакомый... Черт возьми, это же Ведун – точно такой же, какой стоял рядом, надменно сложив на груди длинные тощие руки!

Ведун «с той стороны» приблизился к самой границе, остановился, чуть склонив голову набок, словно рассматривая своего двойника и его спутников. И резко вскинул руку, указывая куда-то за спину обалдевшим зрителям. Его «указующий перст» коснулся границы поля – и по поверхности разбежались синеватые всполохи. Движение недвусмысленно говорило: убирайтесь вон!

Его «реальный» двойник наблюдал за происходящим с ледяным спокойствием. Можно было даже подумать, что это он сам показывает некий демонстрационный ролик – для тех, до кого туго доходит.

– Не нравится мне все это, – выдавил из себя Книжник. – Надо бы отсюда... Поскорее...

– Говорил же вам – вперед пути нет, – бесцветным голосом произнес Ведун.

Он не двигался, терпеливо ожидая продолжения, словно заранее знал, чем дело кончится. Книжник с надеждой поглядел на друзей. Тридцать Третий лишь крепче прижал к себе притихшего мальчишку, который уже вовсе не походил на взбесившееся чудовище. Зрелище в глубине Поля Смерти не произвело на него особого впечатления – кибернетическим организмам вообще не свойственно удивление.

Зато Зигфрид, похоже, был впечатлен. Он посмотрел на Ведуна долгим задумчивым взглядом и сказал с усмешкой:

– Ну, что же, мил человек, твоя взяла. Убедил.

* * *

Приятно нестись по простору, наслаждаясь скоростью и мыслью о грядущем возвращении домой. Совсем другое дело – позорно пятиться назад, в любую минуту ожидая засады. Мстительные степняки вполне могли отправиться вслед за «Драконом» в надежде отомстить и поживиться грузом. У них имелись примитивные, но вполне эффективные средства передвижения – дрезины на ручной и механической тяге. Поэтому друзья поочередно дежурили на хвостовой оружейной башне, превратившейся теперь в головную. Впрочем, через несколько километров, возле развалин древней железнодорожной станции, обнаружилась

искомая развилка – точнее, целая сеть стрелок, параллельных и пересекающихся путей, разобраться в которых, казалось, просто невозможно. Единственным ориентиром, как и тысячи лет назад, были стороны света – восход да закат, неизменные, как сама Земля. Так что вариантов для объезда было всего два: восток и запад.

Пока Тридцать Третий колдовал над ржавым механизмом стрелки, Книжник мучительно переводил взгляд с одной железнодорожной ветки на другую. Одна ответвлялась от центральной и уходила на восток, другая круто сворачивала к закату. Да уж, есть над чем поломать голову, когда понятия не имеешь, что ждет на любом из путей. Это как на развилке перед дорожным камнем из богатырских былин: «Направо пойдешь – коня потеряешь» – и дальше в этом духе. Что было прямо, они уже знали, осталось выяснить, куда свернуть с наименьшими потерями.

Взгляд остановился на угрюмой фигуре Ведуна, наблюдавшего за происходящим с платформы. Новый пассажир смотрел на старания кие с отстраненным любопытством. В вышине над странником продолжали кружить черные крылатые твари. «Вот же подлец, – раздраженно подумал Книжник. – Будто опыты на нас ставит. И ведь не скажешь ему ничего: как-никак, спас нас от коварного Поля. Если, конечно, Поле – не его рук дело». Последняя мысль поразила самого семинариста: а что, если действительно так и было – Поле Смерти этот колдун нарочно напустил? Кто его знает, чего от него ожидать. Говорят, шамы так могут – Поля Смерти заманивать да беду накликивать.

Тряхнув головой, Книжник избавился от наваждения. Нет, быть такого не может. Не похож этот Ведун на шама. Да и вообще, у страха глаза велики – с чего он взял, что Ведун обладает каким-то таинственными способностями?

Вслух же, чтобы приободриться, крикнул:

– Ну, что скажешь, скиталец? В какую сторону сворачивать будем?

Ведун медленно повернулся влево, прошел немного по платформе, остановился. Развернулся – и сделал несколько шагов вправо. Постоял так немного и снова уставился на Книжника.

– Беда идет с Востока, – сказал он отчетливо.

– Я понял тебя, – с усмешкой и одновременно с некоторым облегчением сказал Книжник. – Значит, сворачиваем на Запад...

– Но еще большая угроза идет с Запада.

– Черт бы тебя побрал с твоими недомолвками! – разозлился Книжник. – Куда же нам ехать?!

– Вам решать, – пожал плечами Ведун.

Книжник приблизился к платформе, внимательно разглядывая чужака, словно мог увидеть что-то в этих темных, бездонных глазах, но ничего там не видел, кроме тьмы и безмолвия.

– Я понял, – сказал парень. – Ты уже знаешь, куда мы свернем, верно? Считаешь, что все уже predetermined? Верно?

Ведун поднял взгляд к небу, словно потеряв интерес к разговору.

– Ну что там? – это уже Зигфрид, бесшумно подошедший со спины. – Долго еще возиться будем?

– Первую стрелку заклинило намертво, – сообщил Тридцать Третий. – Тут работы на сутки, не меньше, так что пути на восток нет. А вторую я уже перекинул на западное направление. Так что решаем?

Книжник поглядел на кие с тяжелым молотом в руках, резко перевел взгляд на Ведуна. Теперь в его взгляде читалась едва уловимая насмешка.

– Ты знал... – тихо прошептал Книжник. И вдруг всем существом ощутил прикосновение к какой-то мрачной тайне.

– Ковыряться здесь дальше нет смысла, – приглушенно прозвучали слова Зигфрида. Воин оглядел спутников, желая убедиться, что все разделяют его точку зрения. – Что толку чинить стрелку, если мы все равно не знаем, что нас ждет по одну сторону от нее, а что по другую? Судьба решила за нас – скажем ей спасибо. На запад – значит, на запад!

Глава 2

Город за рекой

Бронепоезд железной змеей полз на закат. Эта ветка была еще более раздолбанной и обветшалой, чем и без того дышащие на ладан ржавые пути предыдущей магистрали. Вагоны нещадно трясло и болтало, машина наверняка давно сошла бы с рельсов, если бы не хитрая автоматика, рассчитанная на любое состояние путей и даже их частичное разрушение. Время от времени «Дракон» замедлял ход и медленно переползал через очередную брешь в железнодорожном полотне.

Мощный паровоз, не зная устал, тащил граненую, бронированную тушу, ошестинившуюся орудийными стволами. Ядерное сердце раскаляло пар до предельных температур, создавая избыточную мощность. Машине не требовалась даже вода – совершенное устройство бережно расходовало влагу, перегоняя ее в пар и обратно в жидкое состояние, а недостаток пополнялся конденсацией из окружающего воздуха. Казалось, стальная громада может двигаться бесконечно.

Как и ее машинист, лишь внешне похожий на человека. Кио не нуждаются ни в сне, ни в отдыхе, и Тридцать Третий уверенно вел машину вперед, не зная ни страха, ни сомнений.

Чего нельзя было сказать о Книжнике. Семинарист уже не вылезал на крышу вагона. Во-первых, была реальная угроза свалиться при такой качке. А во-вторых, что-то подсказывало, что новых преград ждать не стоит, – по крайней мере, пока о них не заявит Ведун, замерший в темном каземате переднего броневагона.

Книжник сам себе удивлялся: как он доверяет ему? Слепо верит темной варварской уверенности малознакомого типа больше, чем здравому смыслу. А может, он просто устал дрожать и беспокоиться о будущем? Всегда ведь легче отдать инициативу другому, сбрасывая с себя тяжелую ношу ответственности. С другой стороны, Зигфрид не особо «парится» по этому поводу и сейчас спокойно дремлет где-то в дальнем углу на ящике с боеприпасами. Хотя Нику не раз уже доводилось убеждаться, что это спокойствие мнимое. Просто воин – неисправимый фаталист, вверивший свою судьбу воле своих многочисленных богов. Здоровая психика веста позволяла ему не беспокоиться о неизвестном и мобилизоваться лишь при встрече с реальной угрозой.

Оставалось ему только завидовать. Уже несколько раз Книжник пытался заснуть – и каждый раз просыпался от собственного крика. Перед глазами мелькали оскаленные пасти и гигантские щупальца, пару раз он тонул в темной пучине – и едва не задохнулся во сне. Очнувшись в очередной раз, с хрипом дыша, семинарист заметил неподвижный взгляд Ведуна, сидевшего у противоположной стенки вагона, – одни только пронзительные сверкающие глаза в полумраке каземата. Не выдержал – и отправился в обход душных внутренних бронепоезда.

Кривые тесные переходы, узкие бронедвери, омерзительные запахи железа, горелого пластика и зверья – трудно было поверить, что этот обширный, склепанный из мятого металла лабиринт прямо сейчас несется через бесконечную равнину. С низкого потолка нижней палубы свисали лохмотья сгнившей внутренней обшивки, из-под отставших бортовых панелей неряшливо торчали клубки грязных проводов, трубы, патрубки, вентили. Большая часть всего этого давно вышла из строя, и семинаристу казалось, что он пробирается внутри огромного, внезапно ожившего труп.

Тем не менее, прогулка в громящем стальном нутре заставляла отвлекаться от навязчивых кошмаров. Это как любое дело, где задействована не только голова, но и руки-ноги: там, где есть движение, нет места праздным мыслям. А тут идешь, смотришь, где что

разболталось, где провода провисли, где лампочка сдохла. Что-то сам исправишь, о чем-то сообщишь Тридцать Третьему – уже польза.

Сдвинув со скрежетом очередную дверь, Книжник оказался в небольшой каморке, разделенной вдоль борта крепкой решеткой. В лицо ударило зловонием, будто он залез в логово грязных нео. За этими решетками прежние хозяева «Дракона» кого только не возили – и злобных мутантов на потеху, и рабов на продажу. Сейчас в железной клетке был лишь один обитатель. И, надо сказать, его вид был куда более удручающим, чем свора злобных монстров.

За решеткой, на грязном железном полу, сидел ребенок. Можно сколько угодно твердить себе, что это мимикрон, тварь, прикинувшаяся маленьким человечком, чтобы максимально использовать ресурс людской жалости, да только глаза кричали об обратном.

Это обыкновенный ребенок – и точка. Вот о чем говорили глаза.

Книжник осторожно приблизился к решетке, присел на корточки, вглядываясь в подсвеченное мутной лампочкой лицо. Чумакая физиономия с ясными светлыми глазами и озорная взъерошенная шевелюра – разве можно держать за решеткой такого милашку? Пареньек возился с какими-то железяками, заменившими ему игрушки, лишь мельком поглядев на вошедшего взрослого и даже скривив недовольную мину, мол, помешали в какой-то игре. Ну, совершенно нормальный ребенок. «Может, мы ошиблись? Может, это мрачный Ведун сбил нас с толку?» – с сомнением разглядывая мальчишку, подумал Книжник.

– Эй, как ты там? – тихонько позвал он. – Не скучно тебе?

Мальчишка поглядел на него исподлобья и вернулся к своему занятию, звеня и щелкая железяками.

«Что он там делает?» – заинтригованно подумал Книжник, еще сильнее приблизившись к решетке.

И вдруг оказался лицом к лицу с этим маленьким чудовищем – настолько неожиданно и близко, что едва не заорал от ужаса. Мальчишка разглядывал его в упор все тем же отрешенным прозрачным взглядом. И вдруг улыбнулся.

Черт, лучше бы он этого не делал! Улыбка обернулась оскалом монстра-убийцы. И тут же маленькая рука метнулась сквозь решетку и вцепилась железной хваткой в его одежду, рванула к себе. Больно стукнувшись лбом о стальные прутья, парень заметался, пытаясь освободиться, а мальчишка продолжал спокойно рассматривать его в упор, как малолетний мучитель, изучающий перед расправой какую-нибудь лягушку.

– Пусти!!! – колотя кулаками по прутьям, заорал Книжник, рванувшись изо всех сил.

И вдруг страшные пальцы разжались, заставив его кувырнуться к противоположной стене. А следом семинарист с ужасом увидел, как медленно, со скрипом отошла на петлях злосчастная решетка, открыв чудовищу путь на волю. Как это возможно?! Ведь Тридцать Третий божился, что будет держать своего ручного монстра под замком, – только на этих условиях ему разрешили взять с собой эту жуткую игрушку.

А теперь Книжник в оцепенении ждал, когда проклятое существо бросится на него, и изо всех сил пытался взять себя в руки, чтобы отбить нападение, – хотя что-то подсказывало, что это невозможно. И тот, кто скрывался в обманчивом облике малыша, сделал шаг из клетки – но лишь для того, чтобы закрыть решетчатую дверь. С изумлением и стыдом Книжник наблюдал, как этот проклятый сопляк сует в замочную скважину самодельный ключ и закрывает сам себя на замок. Вот оно, значит, как. Вот, значит, какими железяками играл этот «шалопай» – ключами от собственной клетки, сделанными из подручных материалов! Одно слово – мимикрон, ходячее оружие, опытный убийца под маской ребенка. Ему ничего не стоило выбраться на волю в любую минуту, и сидел он взаперти исключительно по своей воле – да еще, видимо, по приказу пригравшего его Тридцать Третьего.

Поднявшись на ватных ногах, Книжник пристыженно покинул «зверинец». Хорошо, что никто не видел его позорного страха. А Зигфриду все же стоит сообщить, что мимикрон-то по факту на свободе. Впрочем, страх и стыд быстро сменились смехом – ситуация теперь казалась забавной. Да и сон как рукой сняло.

Нет ничего более бодрящего, чем угроза собственной жизни, пусть даже иллюзорная. Это лучше кофе – надолго прочищает мозги. Даже угрюмые коридоры броневана стали теперь казаться светлыми и приятными.

– Позорище, в пору штаны сушить, – нервно посмеиваясь, бормотал Книжник. – Чертов мимикрон! Как напугал, сволочь, чтоб ему пусто было!

Он остановился перед широкой дверью, выделявшейся среди всех остальных свежей краской, навалился на массивную рукоять. Щелкнул замок, дверь тихо повернулась на смазанных петлях. Ладонь сама нашарила выключатель – под потолком медленно разгорелся матовый плафон светильника в пижонской бронзовой окантовке.

Это помещение разительно отличалось от всего остального внутреннего пространства бронепоезда. Грязное ржавое железо, усеянное заклепками и заляпанное застарелой смазкой, было словно спрятано за декорациями какого-то спектакля из совершенно иной жизни.

Это было его маленькое убежище – личный кабинет Пузыря, бывшего командора бронепоезда «Дракон». Здесь ничто не напоминало о хмуром и враждебной мире вокруг, здесь царил совершенно непривычный уют и даже какая-то диковая роскошь. Здесь забывались и качка, и навязчивый перестук колес – сказывалась особая звукоизоляция «командорской каюты». Прежний хозяин не отказывал себе в комфорте, но, по большому счету, для человека, не привыкшего к роскоши, все это было даже чересчур – и массивный письменный стол с вензелями и завитушками, и нелепые бронзовые статуэтки, и письменные приборы, и вычурные бра на железных переборках, и чудовищное кожаное кресло по центру. Без всего этого можно было бы спокойно обойтись, если не считать главного.

Книги.

Множество томов, разных эпох и размеров, плотно уставленных в большом шкафу с пола до потолка вперемешку с эклектичной коллекцией небольших костяных фигурок – нэцкэ. Пузырь, безусловно, был эстетом, правда, довольно своеобразным. Так, стена, противоположная книжным полкам, была занята выцветшим ковром, увешанным старинным оружием. Чего здесь только не было – от легендарного «парабеллума» образца тысяча девятьсот восьмью года до сверкающей хромом «беретты», от кривой, с выщербленной кромкой турецкой сабли до самурайской «катаны» с темным узором на клинке.

В другое время оружие забрало бы на себя все внимание пытливого семинариста, как и здоровенный сейф в углу, за креслом. Сейфом особенно интересовался Зигфрид, и открыть его ударом меча, закаленного в Поле Смерти, не позволил лишь Тридцать Третий: он сразу почуял подвох – смертельную ловушку, оставленную за дверцей для слишком любознательных чужаков. Впрочем, Три-Три обещал вскоре разобраться и вскрыть-таки заминированный сундук с сюрпризами.

Однако что бы ни находилось внутри сейфа, главной ценностью здесь были книги. В горниле Последней Войны сгинула большая часть накопленных человечеством знаний, и книгам повезло меньше всего. Все дело в бумаге – она отлично горела в печках, согревая замерзавшее в ядерную зиму человечество. Тому, кто готов умереть от бесконечного лютého холода, не до закрученных сюжетов – куда важнее тепловая энергия, извлекаемая из бумажных носителей текста. Кому там было до сохранения древних знаний! Говорят, давно, в блокадном городе Питере, люди отдавали бесценные сокровища, родовые драгоценности и картины известных мастеров за краюху хлеба, что уж говорить о маленьких горячих брусках целлюлозы. Поколение, родившееся после ядерного апокалипсиса, все равно уже не понимало смысла написанного, не говоря уж о том, что большинство его представителей просто

не умело читать. Умение убивать, чтоб защищаться и добывать пищу, – вот что стало главным навыком в новом мире. Лишь редкие островки цивилизации, главным из которых оставался Кремль, все еще хранили драгоценные книги, пытаясь донести их смысл до потомков.

Но даже многомудрые семинарские наставники давно уже не понимали большей части потерянных знаний об ушедшей эпохе, и обыкновенная беллетристика минувшего времени ставила их в тупик. Забавно было наблюдать, как тот же отец Никодим пытался растолковать послушникам смысл чудом сохранившейся книги «Туманность Андромеды».

– Еретическое учение автора призвано обмануть доверчивого отрока, – медленно прогуливаясь между рядами, вещал наставник. – Лживые описания якобы «светлого» будущего обещают рай на Земле, что есть не что иное, как дьявольский промысел. Ибо мы на Земле испытаний и страданий ради, призваны биться с силами тьмы ради очищения душ от скверны и приобщения к миру вечному...

Лишь недавно, из случайно найденных текстов, Книжник с изумлением узнал, что в древней литературе существовал целый жанр, именуемый научной фантастикой, – тот самый, что не имел границ и преград и позволял читателю погрузиться в бесконечный и прекрасный мир Мечты. Тогда же, с ледяным холодом в сердце, он понял, в каком мире, с точки зрения древних, живет он сам, вместе со своими друзьями и близкими. Этот мир, который казался ему естественным и вообще единственно возможным, именовался предкамипостапокалипсисом – то есть тем, что осталось на Земле после наступления Конца Света. То, что было для предков кошмарным сном, для нынешних поколений стало реальностью.

Пережив легкий шок, Книжник постепенно научился отличать выдуманные книжные миры от более-менее реальных и перестал изучать девятнадцатый век по Жюлью Верну, а двадцатый – по Александру Беляеву. Впрочем, от этого не перестал любить их книги, наполненные свежими ветрами, романтикой и невероятной, заразной жадой жизни. Наверное, такие книги и заставили его однажды отбросить покой и безопасность и отправиться в неведомое за Кремлевские стены.

Встретить в этом железном чреве бронепоезда такие сокровища было просто подарком судьбы. Здесь были великолепные издания, каких не встретишь и в кремлевских Хранилищах Знаний.

Вот Достоевский – почти полное собрание сочинений, лишь пары томов не хватает. Черное, с полустершимися золочеными буквами на обложке. И бумага – белая, словно не было этих двух сотен лет с момента, когда листы покинули печатный станок. Когда-то Книжник заставил себя прочесть «Преступление и наказание» – от корки до корки, давясь и мучаясь от непонимания и неудобоваримых предложений. Он словно попал в текстовую ловушку – книга не отпустила его, пока он не дошел до финала. И еще долго пытался разобраться в прочитанном, даже кричал по ночам в семинарской келье. Невероятный опыт – словно путешествие на машине времени через туннель, наполненный привидениями.

Или вот Гоголь – том сам раскрывается в руках на потрясающем и страшном «Вие». Казалось бы, в лютых московских развалинах доводилось видеть всякое, но даже теперь читаешь – и мороз пробирает. Вот она, сила слова, доставшего тебя из глубины веков!

Вот Чехов с собственным портретом на обложке. Удивительное лицо, каких не встретишь теперь, и это нелепое пенсне... Чехова Книжник не понимал, сколько ни пытался разобраться в забавном витиеватом слоге. Душой чувствовал, что написано здорово, – а смысл большинства текстов ускользал от понимания, хоть тресни. Чеховская эпоха ушла безвозвратно со всеми ее тайными смыслами.

А вот Пушкина он любил. И теперь бережно поглаживал неплохо сохранившийся томик – похоже, его не брали в руки все минувшие столетия. А напрасно – даже теперь, лет четыреста спустя, его слог струится легко и звонко, достигая темных закоулков души. Пушкина любили даже сухари-наставники, правда, не за чудесный язык, а за повод заставить

семинаристов зубрить эти бессмертные стихи. Что в свою очередь вызывало у большинства школьников угрюмую ненависть к поэту.

А за этот увесистый том Шекспира Книжник готов был убить или пойти на какое другое тяжкое преступление. Просто потому, что в семинарской библиотеке Шекспира не было. Был единственный том в Хранилище Памяти, но держали его за семью печатями, да и по содержанию он значительно отличался. В этом же, помимо нескольких знаменитых пьес, были сонеты. Книжник читал о сонетах Шекспира у других авторов, но никогда – в оригинале. И сейчас жадно впитывал глазами строки, беззвучно шевеля губами.

С трудом заставив себя оторваться от чтения, поклонник Шекспира закрыл том. Великого драматурга придется оставить на потом, сейчас нужна совсем другая книга – куда более приземленная, но невероятно важная. Чудо, что и такая нашлась в этой библиотеке.

Поискав глазами, Книжник увидел тусклый корешок и улыбнулся: выходит, память не подвела его, и он ему не привиделся.

Атлас. Когда-то обыкновенная скучная книжка, даже архаичная на фоне электронных устройств, что, как говорят, когда-то пришли на смену бумаге, едва не вытеснив ее полностью.

Сейчас же ценность этой потрепанной книжки в гибкой обложке невозможно даже представить. Карты местности, схемы территорий – все это на вес золота, ведь эта информация дает преимущество в бесконечной войне за ресурсы. Выбравшиеся на поверхность земли после столетней «ядерной зимовки» остатки человечества активно осваивали уцелевшее наследие предков, конкурируя с жадными мутами, не менее ревностно претендовавшими на оставшиеся ресурсы. Конечно, изуродованный Последней Войной лик Земли мало соответствовал начертанному на старинных картах, но знающему человеку не составляло труда разобраться, что к чему. И он, Книжник, безусловно, был одним из немногих «знающих».

Семинарист медленно опустился в кресло, раскрыл перед собой ветхую перекошенную книгу. Краски на некогда ярких картах давно потускнели, но это ничуть не мешало делу. Полистав плотные страницы, семинарист без труда отыскал нужную. Масштаб, конечно, не очень детальный, но все, что нужно, здесь было. А именно – густая сеть бледных линий.

Железные дороги.

– Однако... – пробормотал Книжник, водя пальцем по развороту. – Это где ж мы теперь?

Вопрос был хороший. Он по наивности ожидал увидеть одну-единственную ветку, уходящую на запад. Здесь же был нанесен целый клубок «ниток», оплетающих огромную территорию – некогда густо населенную, теперь же превратившуюся в пустыню. Легкий холодок пробежал вдоль позвоночника: все это походило на огромный лабиринт. Не хватало только заблудиться в незнакомых местах. Главное, никто не знает, какие участки рельсов уцелели, а какие давно сгнили.

– Не было печали... – проворчал парень.

Прикусил губу. Куда же ехать, а?

В задумчивости выдвинул ящик стола, сунул в него руку. Ладонь сама легла на ребристую рукоять. Вытащил и с удивлением уставился на огромный уродливый и одновременно эффектный пистолет. «Маузер»! Любимое оружие Пузыря – наверное, забытое здесь в спешке. Вот это подарок! Рассеянно вытащил и положил на стол початую коробку с патронами.

Неплохо. Эта штукавина лишней точно не будет.

«Маузер» лег поверх карты. Книжник задумчиво разглядывал получившуюся композицию. Ствол старинного оружия железным пальцем недвусмысленно указывал на запад.

Резко поднявшись, парень захлопнул атлас, использовав пистолет вместо закладки. Решительно выдвинулся из-за стола и, сунув атлас под мышку, покинул командорскую каюту.

* * *

Книга с необычной «закладкой» грохнулась на железный стол – прямо перед застывшей в неподвижности черной фигурой.

– Куда мы едем, Ведун? – решительно спросил Книжник.

Тот не соизволил ответить в привычной уже манере. Теперь это уже не производило на семинариста прежнего эффекта, и он спросил снова:

– Так куда мы едем? Ты ведь знаешь, куда идет поезд?

– Что, не все знают твои книги? – спокойно произнес Ведун, но в его голосе послышалась издевка.

– Не все, – признал Книжник, выдерживая тяжелый взгляд собеседника. – Наверняка ты тоже кое-что можешь мне сказать, – он выдержал паузу. – Так куда мы едем?

Ведун едва заметно пожал плечами:

– В город. Все железные полосы ведут в города.

– Так в какой город?

Мрачный бродяга прищурился, и семинарист решил, что сейчас, наконец, услышит прямой ответ.

– В большой, – сообщил Ведун.

Книжник досадливо крякнул:

– Да ты издеваешься!

Ведун смотрел на него с невозмутимостью статуи.

– Можешь показать на карте? – семинарист протянул ему атлас. – Должны же мы знать, куда стрелки переводить!

Ведун даже не шелохнулся, чтобы принять книгу. Просто сказал:

– Стрелки судьбы уже направлены. Не суетись – просто прими все, как есть, – и наслаждайся дорогой. Нет в мире большего наслаждения, чем покой и безмятежность дороги. В пути нет места суетным мыслям. В пути и происходит настоящая жизнь.

– Ну да, конечно, – хмуро усмехнулся Книжник. – Наслаждаться покоем, как же! Когда в любую минуту на нас могут напасть, когда паровоз может заглохнуть или пути окажутся настолько сильно повреждены, что даже «Дракон» не сможет их преодолеть?

– Наверное, ты думаешь, что в состоянии контролировать все, что происходит вокруг тебя? – произнес Ведун, и глаза его чуть расширились. – Что твой страх, твои беспокойные мысли могут остановить неизвестную угрозу? Что ты сам в состоянии управлять собственной судьбой?

– Нут, я не думаю, что могу предвидеть все угрозы, – нехотя сказал Книжник. – Но я же разумный человек, я просто обязан думать о будущем!

– Чушь. Будущее само о тебе позаботится.

– Я не согласен! Человеку свойственно думать о будущем, предвидеть и предотвращать угрозы! Человечество тем и отличается от животных, что всегда устремлено в будущее!

– Ну и где оно, твое человечество? – тихо произнес Ведун. – Где все те, кто когда-то думал о будущем? – он подался вперед, и лицо его осветил тусклый свет плафона, а резкие тени сделали жутко похожим на мертвеца. – Оно сожрало их всех – будущее! Оглянись вокруг – вот оно, будущее сгинувшего человечества!

Со знакомым уже холодком Книжник ощутил, что Ведун будто прочитал его недавние мысли.

Наваждение прошло – Ведун вернулся в свою неподвижность и продолжил уже прежним, равнодушным голосом:

– Это иллюзия. Человеку не суждено заглянуть за горизонт событий. Будущее темно и неизвестно. Сила не в знании того, чего не дано знать смертному.

– В чем же, по-твоему, сила?

– В способности принять то, что тебе суждено Роком.

Книжник нахмурился, сжал зубы. Он не знал, что возразить этому мрачному человеку. Не хотелось признавать, но это внутренне возмущение говорило о правоте собеседника.

– Погляди на своего друга, – сказал Ведун, кивнул в дальний угол каземата.

Книжник посмотрел туда и только сейчас заметил спокойно дремлющего Зигфрида. Тот расслабленно полулежал на мешках с припасами и, словно иллюстрируя слова Ведуна, наслаждался покоем. Мощная грудь под защитными металлическими пластинами мерно вздымалась в такт дыханию, ладонь небрежно лежала на ножнах лежащего рядом меча.

Лицо Книжника залило краской. Он понял, о чем говорил Ведун.

Воин не боится будущего. Он беззаботно идет навстречу неизвестности, и только битва способна вывести его из состояния внутреннего покоя. А он, Книжник, не воин. Он ученый, да и не ученый даже – желторотый птенец, лишь недавно выползший из тихого гнезда кремлевской Семинарии. Оттого и его суета, вечное беспокойство, постоянная неудовлетворенность, раздражающее стремление сунуть нос во все, что кажется интересным.

Он просто мальчишка, пусть и набравшийся сверх меры всевозможных знаний. Хотя, если вдуматься, все эти знания не стоят и малой части обыкновенного жизненного опыта Зигфрида.

Но вместе с тем его природная пытливость – вовсе не порок. нет. Это то, что отличает его от воина и вместе с тем дает ему ту особую силу, которой нет ни у Зигфрида, ни у этого мрачного колдуна – или кто он там на самом деле.

Подумав об этом, Книжник вдруг успокоился и даже улыбнулся.

– Ладно, – сказал он. – Не хочешь говорить – не надо. Поживем – увидим.

Возможно, это ему лишь показалось, но в глазах своего сумрачного собеседника семинарист увидел молчаливое одобрение. Что ж, пусть судьба сама ведет его вперед – под глухой перестук колес, силой могучего ядерного сердца железного «Дракона».

* * *

Ведун не соврал: им ни разу не пришлось ни тормозить, ни переводить стрелок. Уже сутки поезд полз по мертвой равнине на северо-запад. Время от времени посреди бескрайней голой степи встречались города.

Мертвые города.

Когда-то и московские развалины казались Книжнику мертвыми, но теперь он понимал, что это не так. Московские руины кишели жизнью – странной, больной, агрессивной, по большей части враждебной человеку, но это была жизнь.

Здесь города напоминали призраки. Они не были разрушены войной, по ним явно не прошли катком стальные армады НАТОвской техники, на них не проливались ливни из бомб и снарядов, во многих домах даже сохранились стекла – только жизни здесь не было. Взгляд не замечал даже вездесущего ядовитого плюща или хищных лиан. Никто здесь не дрался за место под солнцем, как в клокающей «мясорубке» в пределах Садового Кольца.

Поначалу у путешественников еще возникала мысль остановиться, выйти на полустанке, чтобы размять ноги на твердой земле, но при виде этих городов-трупов желание быстро пропадало. Напротив – невольно хотелось прибавить скорости, чтобы поскорее убраться из таких мест.

Привалившись спиной к орудийной башне головного вагона, Книжник водил пальцем по страницам атласа. Поле Смерти, преградившее первоначальный путь, осталось далеко позади, и неплохо было бы свернуть в прежнем направлении – на северо-восток, в сторону Москвы. Все, что требовалось, – отыскать ближайшую развилку. Однако Книжник успел запутаться в мешанине древних железнодорожных путей и с трудом себе представлял, где именно они сейчас находятся. Даже атлас не помогал – непривычно огромные расстояния сбивали с толку.

Оторвав взгляд от атласа, семинарист вздрогнул: прямо перед ним сидел на корточках мальчишка-мимикрон и разглядывал его, склонив голову на бок, как крысособака. От предательского страха все волосы на теле встали дыбом. Ладонь сама легла на рукоять «маузера», по-прежнему используемого в качестве закладки.

– А ты здесь откуда? – стараясь придать голосу бодрости, спросил Книжник. – Кто тебя из клетки-то выпустил? Ах, да...

Он запнулся: мимикрон протягивал ему в ладошке самодельный ключ. Не зная, как поступить, парень пролепетал пересохшими губами:

– Это мне?

Мальчишка кивнул.

– Спасибо... – Книжник убрал руку с пистолета и осторожно взял в руки ключ. – Но зачем он мне?

Мимикрон не ответил. Немного приободрившись, но не особо надеясь на ответ, семинарист спросил:

– Имя-то у тебя есть?

– Егорка, – детский голос прозвучал совершенно неожиданно, и Книжник едва не вскрикнул – будто с ним заговорил камень.

– Егорка? – недоуменно повторил семинарист. Как-то не стыковалось в сознании смешное имя с образом коварного устройства для скрытого нападения.

– Меня так мама звала, – произнес мимикрон совершенно по-детски, и сейчас можно было поверить, что это действительно самый обыкновенный малыш.

– Твоя мама... – Книжник запнулся, дернул плечом, не зная, как продолжить. Действительно, какая может быть «мама» у этой машины для убийств, ловко замаскированной под ребенка?

– Она осталась там, у Поля Смерти, – спокойно сказал мимикрон. – Ее убила Саранча.

– Насекомые?

– Нет. Саранча.

– Не понимаю...

– Они как люди. Как нео. Как шамы. Но на самом деле – Саранча.

– Почему саранча?

– Их много. И они всех убивают на своем пути, – Егорка ловко имитировал даже детскую речь – манера, обороты, мимика. Он снова готов был сбить с толку Книжника, хоть тот и видел, на что способно это существо.

– Маму жалко, – закончил Егорка, и лицо его подернулось рябью, словно он вот-вот заплачет.

– У тебя нет матери, – раздался жесткий голос. Из-за башни вышел Зигфрид, присел на корточки, придерживаясь за орудийный ствол и разглядывая мальчишку. – И не может быть. Ты – мимикрон. Ты понимаешь это?

Внутренне напрягшись, семинарист ждал продолжения. Отчего-то ему казалось, что «разоблаченное» маленькое существо сейчас по-змеиному зашипит, выпустит когти, обнажит зубы и бросится на обидчика. Вместо этого Егорка совершенно естественно пожал плечами:

– Понимаю, конечно. Но она – мама. Она любила меня.

– Откуда у тебя взялась мама?

– Нашла меня в развалинах. Меня тогда хищный мут повредил, а она выходила, как родного.

– А она знала, кто ты на самом деле? – с каким-то дикарским любопытством спросил Зигфрид, будто ему нравилось беречь чужую рану и слушать стон боли.

Егорка задумался и смешно потряс головой:

– Нет. Не думаю. Я ведь совсем как ребенок. Она тоже так думала. Ну, что я маленький и просто потерялся. Вот и подобрала меня.

– А ты и воспользовался, да? – недобро поинтересовался Зигфрид. – Она тебя, небось пригрела, кормила?

– Я придал ее жизни смысл, – неожиданно серьезным тоном произнес мимикрон. В этот момент детская сущность на миг слетела с него, обнажив жутковатую начинку. – Она все равно скоро умерла бы от голода и болезней. Но почти год она была счастлива.

– Ну-ну, – неприязненно произнес вест. – Счастлива, говоришь?..

И Книжник вдруг вспомнил о давней вражде между вестами и кио. Мимикрон – не совсем кио, но, видимо, вызывал у воина какие-то неприятные ассоциации. При этом Тридцать Третий его не раздражал вовсе. Черт его поймешь, этого Зигфрида, – вроде суровый воин с ледяным сердцем и холодным рассудком, но иногда проявляет себя с совершенно неожиданной стороны.

Поезд качнуло на очередном повороте, орудийная башня чуть повела пушкой из стороны в сторону.

– Пора бы повернуть на Москву, – заметил Книжник. – Думаю, Поле Смерти мы давно объехали. Надо только ветку подходящую найти.

– Найдем, – прищурившись, сказал Зигфрид. – В большой город дороги со всех сторон сбегаются.

– В какой город? – не понял Книжник.

– А вон в тот, – Зигфрид указал вперед.

Книжник поднялся на ноги, придерживаясь за броню башни.

Там, вдалеке, сверкнула тонкая полоса воды и показались темные силуэты зданий на холмах по ту сторону. Точно город! Причем, совсем не похожий на все те, что они встречали до этого. Те города-призраки были куда меньше – просто кучки мертвых домов, в ужасе лепившиеся друг к другу, словно согнанные с окрестных степей в бесформенные стада.

Этот город был огромен, статен, даже красив. Что-то в нем поражало воображение, и Книжник недоуменно смотрел вперед, пытаясь понять, что же в нем так притягивает взгляд.

И наконец понял: город выглядел целым. Живым. В нем почти не было руин – повсеместных свидетельств Последней Войны. По крайней мере таких, какие в Москве встречались повсюду. Но особенно поражал странный отблеск на вершине холма – словно кто-то обронил каплю золота, засверкавшую на солнце.

– Что это? – изумленно произнес Книжник.

– Купол, – произнес глухой голос Ведуна. Он незаметно появился на крыше вагона и вместе со всеми глядел в сторону медленно приближающегося города.

– Купол чего? – поинтересовался Зигфрид.

– Храма, – отозвался Ведун. – Чего же еще?

– Точно... – прошептал Книжник.

Он вспомнил, что в прежние времена купола церквей покрывали сусальным золотом. Кремлевские храмы не были исключением. Вот и на куполе колокольни Ивана Великого сохранились остатки позолоты. Правда, никто и не думал восстанавливать покрытие в полном объеме. Как говорится, не до жиру. А тут – на тебе...

– Что это за храм такой? – прошептал Книжник.

И вздрогнул, осознав, что не ответил себе на главный вопрос: что это за город такой? Величественный, огромный, раскинувшийся на берегах огромной реки. Пальцы принялись перебирать страницы атласа, но не было сил опустить на них взгляд.

Вот и Ведун молча созерцал приближение далекого города, стоя впереди, на самом краю броневагона, – словно впередсмотрящий на корабле. Ветер развеивал его длинные спутанные волосы, высоко над его головой кружили крылатые твари. Рядом с ним, свесив вперед ноги, уселся Егорка. Странная и гармоничная пара – два монстра, вглядывающихся в жутковатую даль. Жуткую – так как далеко впереди, за силуэтами зданий, небо светилось небывалым зловещим багровым заревом.

Книжник тревожно переглянулся с Зигфридом.

– Это в какое пекло мы снова едем? – криво усмехнувшись, поинтересовался вест.

– Не нравится мне это свечение впереди, – вторя ему, проговорил Книжник. – Не пора ли сбавить ход да свернуть от греха подальше?

Однако сам продолжал, как загипнотизированный, разглядывать далекий сверкающий купол, что притягивал взгляд, манил их к себе, как маяк затерявшихся странников. В этом городе была красота и тайна. И еще что-то, вызывающее в памяти множество ассоциаций, ветвящихся, как кровеносные сосуды, и вызывающих в памяти все новые и новые связи. Только название города никак не приходило на ум.

Вместо этого вспоминался древний храм, кресты и могучий правитель. И люди, зачем-то купающиеся в ледяной воде. Как это связано? Почему ему кажется, что все это очень важно, что этот город не менее важен для судеб его народа, чем оставшийся за спиной Севастополь?

Река. Люди в воде. Купание.

Крещение?

Он вспомнил.

– Киев!

Почудилось, что кто-то другой произнес за него это. Голос звучал отстраненно, как бы со стороны.

– Это же Киев! – повторил Книжник, словно убеждая себя в собственной правоте.

– И что это для нас значит? – спросил Зигфрид.

– Еще не знаю, – проговорил Книжник и покосился на Зигфрида, пытаясь понять его равнодушие. Почему тот не разделяет необъяснимого душевного трепета, что охватил друга?

И вдруг все встало на свои места.

Зигфрид – вест. Потомок чужаков, выходцев из западных стран, волею судеб оказавшихся на территории Москвы в разгар Последней Войны. Какое ему дело до «матери городов русских», как именуют Киев старинные книги? Какое ему, язычнику, дело до великого крещения славянских племен князем Владимиром?

По большому счету, до этого нет дела и Книжнику. То есть, это не должно волновать его, жителя другого мегаполиса, некогда другой страны, да еще и атеиста по убеждению. Хотя, говорят, на войне нет атеистов – и семинарист не раз ловил себя на отчаянных молитвах всем богам, когда его жизни грозила реальная опасность. И дело не в крещении как таковом – кому как не ему помнить корни собственного народа? Ведь именно отсюда пошла по Руси древняя вера, объединившая разрозненные племена и сделавшая их единым народом.

Правда, и противоречий между ними было не меньше. Удивительно, что город, некогда объединивший народы, однажды стал причиной раздора между ними. Никто уже не помнил толком подробностей – все терялось за «горизонтом событий» Последней Войны.

Все эти сумбурные мысли турбулентным потоком пронесли в голове, не оставляя возможности зацепиться за что-то существенное. Да это и не было важно сейчас, когда

нужно было просто найти и перекинуть стрелку – чтобы отправиться совсем в другую сторону, ведь неподготовленная экскурсия в чужой мегаполис чревата неприятными сюрпризами. Если бы сюда пришла хорошо вооруженная кремлевская дружина – это совсем другое дело, так можно проводить разведку. А соваться в незнакомые каменные джунгли безо всякой подготовки – это просто самоубийство.

Это понимал и Тридцать Третий, значительно снизивший ход бронепоезда. «Дракон» полз теперь среди ветхих невысоких домов и вялой растительности пригорода. Не только дома притягивали взгляд – навстречу все чаще попадались машины. Их было здесь множество – легковушек, грузовиков, автобусов, навеки замерших вдоль путей. Ржавые остовы будто пытались протиснуться между домами и железной дорогой, образовав безобразные тромбы, как в кровеносной системе гипертоника. Машины наползали одна на другую, словно их подталкивали остальные в нетерпении и панике. Все они застыли в направлении выезда – ни одной в обратном направлении.

– Они все будто сбежать отсюда хотели, – замороженно глядя на проползающие мимо ряды мертвых машин, сказал Книжник.

– Когда идет война, люди бегут из городов, как крысы с корабля, – равнодушно сказал Зигфрид. – Но это было давно. А вот почему сейчас никого не видеть?

– Может, здесь никто и не живет вовсе, – предположил Книжник. – Мало ли мы мертвых городов проезжали?

– Живут, – с уверенностью возразил Зигфрид. – Да только ушли все. И ушли совсем недавно. Видите – дымок над трубами? А вон еще.

И точно – взгляд выхватил легкий дымок, вившийся вдалеке над покосившимися одноэтажными домами. Ну и глаз у Зигфрида! Как он разглядел что-то в этих потерявших форму одноэтажных развалах? Теперь и семинарист начал различать признаки присутствия разумной жизни в этом полупустом городе: вон белье на веревке сушится. Не белье даже – какие-то обрывки, но явно не случайно здесь висят. А вон расчищенная от мусора дорожка. А вот аккуратно сложенные дрова – такое вряд ли сохранится без постоянного присутствия жителей.

– Может, попрятались все? – неуверенно предположил Книжник.

– От нас, что ли? – усомнился Зигфрид. – Наоборот, повылазили бы из всех щелей все кому не лень, чтобы поглазеть на эдакое чудо.

– И то верно, – признал Книжник. – Не думаю, что сюда часто приходят поезда. Тем более, такие, как наш.

– Эй, Ведун! – позвал Зигфрид. – А ты как думаешь? Куда все подевались?

Черный странник молча оглянулся и медленно поднял руку, указывая вперед.

– В большой город ушли, что ли? – Книжник недоуменно дернул плечом.

Но тут же понял, что их молчаливый спутник указывает вовсе не на дома вдалеке. Он указывал на это странное свечение, окрасившее небо на западе. Шут его знает, что это такое. Чем-то оно напоминало зарево над мертвым морем Севастополя.

– Думаешь, они пошли к этому свету? – не поверил Зигфрид.

– Они бежали от него, – с некоторым сожалением в голосе сказал Ведун. – Ты выглядишь проникательным человеком, а говоришь глупости.

– Ну, почему же? – ничуть не смутился Зигфрид. – На их месте, я как раз пошел бы посмотреть, что это там светится.

– Но ведь ты не на их месте. Ты – воин, они – слабые существа, боящиеся думать об опасности. Ты думаешь о славе, они – о завтрашнем дне, о детенышах, выстрадавших в страхе и муках.

– Я бы на их месте даже не мучился, – безо всякой жалости в голосе сказал вест. – Те, кто живет страхом, недостойны будущего.

– Тебе ли судить об этом?! – неожиданно вспыхнул Ведун, и по его обычно бесстрастному лицу пробежала легкая рябь. – Ты – убийца, живущий лишь ради мгновений боя, ради запаха крови и блеска золота! У тебя нет будущего! А их страх – защита будущих поколений.

– Я не собираюсь с тобой спорить, бродяга, – равнодушно отозвался Зигфрид. – Думай себе, что хочешь. Только не воображай, что сможешь вертеть мной, как тебе вздумается. Что вылупися? Я знаю, что ты нарочно привел поезд сюда. И моли всех богов, чтобы я не усомнился в твоих благочестивых намерениях!

Книжник с удивлением поглядел на друга, перевел взгляд на хмурого Ведуна, на мимикрона, делавшего вид, что беззаботно пялится по сторонам, и на всякий случай запустил руку в сложенный на коленях атлас, между страницами которого притаился «маузер». В воздухе витало неприятное напряжение, становившееся еще более зловещим на фоне жутковатого свечения над городом.

Странная у них собралась компания, однако. Никто никому не доверяет, каждый гнет одному ему понятную линию, и все замкнуты в тесной железной коробке бронепоезда, прущего в неизвестность. Прямо пауки в банке. Хорошо еще, что пока не дошло до драки, – случись что, Книжник не был настолько уверен в своих силах и даже в мече Зигфрида. Вест силен в открытой схватке, но не застрахован от неожиданного и подлого удара из-за угла, и уж тем более – от всяких колдовских штучек, на которые, как казалось Книжнику, способен Ведун. Отчего-то казалось, что Ведун далеко не прост, что он всего лишь временно позволяет Зигфриду вольное обращение – просто потому, что ему надо ехать из пункта А в пункт Б.

Когда-то, давным-давно – год или два назад, – семинарист просто посмеялся бы при одном упоминании о магии и колдовстве, но теперь не был столь категоричен. Конечно, все, на что способны всякие муты, вроде телекинеза и телепатии, – это не колдовство в прямом смысле слова. Однако, как сказал один древний мудрец, на определенном уровне технология неотличима от магии, как неотличимы от нее способности, проявившиеся у некоторых индивидуумов в результате мутаций. Последствия Последней Войны – не только миллиарды жертв, но и искаженная природа человека, возникновение новых разумных видов и бесчисленного множества кровожадных монстров. Ведун сразу показался Книжнику одним из таких мутов, правда, пока не проявил себя в полной мере – если не считать летучих тварей, беспрестанно круживших над его головой. Подозревал в нем скрытую силу и Зигфрид – оттого и нервничал, пытался взять неожиданного попутчика на испуг. Да видно, не очень-то получалось.

– Ты не там ищешь врагов, – внимательно разглядывая веста, сказал Ведун. – Я благодарен тебе и твоим спутникам за то, что взяли меня на борт своего железного корабля. И у вас нет повода сомневаться в моей благодарности.

– Надеюсь, – смягчившись, проворчал Зигфрид. – Живи пока.

Поезд продолжал снижать ход, двигаясь все тише и тише. Иначе было невозможно: завалы из искореженных машин становились все плотнее, залезая прямо на железнодорожное полотно. Передняя платформа бронепоезда глухо ударялась в ржавые остовы, сдвигая их и перемалывая в труху. Более крупные корпуса нехотя отползали в сторону и злобно скрежетали по бронированным бортам.

Продираясь сквозь эту свалку, «Дракон» медленно выкатывался к реке.

Широкая вода показалась впереди, среди горы искореженных машин и покосившихся мостовых балок. Медленно, очень медленно поезд выдвинулся на мост – и остановился.

– Приехали! – сухо сказал Зигфрид.

Мост обрывался на первом же пролете. Впереди был лишь широкий поток, несший темные воды из неизвестности в неизвестность.

Эта река была совершенно непохожей на хмурую и мутную Москву-реку, наполненную разьедающей водой и агрессивной живностью, – эта выглядела светлой, чистой, живой, была куда более полноводной.

Хоть и не сразу, память выдала Книжнику и ее имя.

Днепр.

Великая река, объединившая когда-то славянские племена, давшая силу нарождающейся Руси. Сколько столетий прошло с тех пор – не сосчитать. Все минуло, все обратилось в прах. Ничего не осталось ни от древних племен, ни от их потомков. А река – вот она, течет, будто и не заметив промелькнувшей на ее берегах тысячелетней истории.

И свидетельство этой древней истории – город на противоположном, высоком берегу. Отсюда он уже не казался таким живым и светлым. В отблесках необъяснимого свечения он казался теперь мрачным памятником самому себе. Далекие здания были угрюмы, покрыты застарелой копотью, словно под каждым из них на протяжении последнего столетия беспрестанно палили чадающие костры. В этом удручающем пейзаже выделялась большая крепость, спускавшаяся высокими стенами к воде. Похоже было на то, что стены эти были возведены сравнительно недавно, – для их постройки использовался не только камень, бетон и прочий традиционный материал фортификационных сооружений. Мертвенно поблескивал металл, который покрывал большую часть грандиозного сооружения. И надо всем этим сверкал золотом купол белоснежного храма.

Вид этого здания поражал своей непривычной чистотой и необъяснимой нерациональностью. Кто, во имя чего мог позволить себе трату драгоценных жизненных ресурсов на столь странную, неочевидную цель? Даже в Кремле, где понимали и уважали роль церквей и духовенства, не давали средств на восстановление внешнего облика храмов. Все это откладывалось на неопределенный срок, отдавая приоритет самому главному – выживанию. Человечество только-только выбралось на свет божий из герметичных нор, чудом пережив долгую ядерную зиму, еще не успело встать на ноги, оглядеться, поднять голову.

А здесь – будто и не было этой опустошительной Войны, будто не сгинули в небытие миллиарды! Старинный храм гордо вознесся над бурными водами, снисходительно глядя на протекающую под ногами Вечность.

И сейчас все – и Книжник, и Ведун, и Зигфрид, и даже этот фальшивый мальчишка – все они завороченно смотрели на эту сверкающую золотом звезду над мрачной крепостью. Можно было даже решить, что только ради этого потрясающего вида они и проделали весь этот путь, – чтобы озарили их с далекого берега золотые лучи древнего храма.

– Поезд дальше не идет!

Совершенно неуместный своей обыденностью голос Тридцать Третьего прервал молчаливое созерцание. Все разом вышли из оцепенения и теперь посматривали друг на друга с некоторой неловкостью – словно невольно проявили непозволительную слабость.

– Чего вы здесь стоите? – Три-Три недоуменно оглядел остальных. Кио не понять ощущений живых – ведь он всего лишь имитация жизни. – Надо убираться отсюда. Боюсь, нами уже заинтересовались.

– Кто нас заметил? – насторожился Зигфрид.

– Не знаю точно. Мне почудилось какое-то движение по правому борту – в завалах за колонной автобусов. Предлагаю сдать примерно на километр задним ходом, там я заметил развилку. Попробуем свернуть вдоль реки на север.

Семинарист растерянно поглядел на кио, перевел взгляд на Зигфрида, сказал почти умоляюще:

– Но мы же забрались так далеко! Неужели даже не осмотрим этот город? Второго шанса у нас может не быть!

– Не успеешь осмотреть город, как кто-то уже примется осматривать твой труп, – веско возразил Зигфрид. – Для местных мы враги по определению, и они видят в нас только одно – богатую добычу.

– Но...

– Нет никаких «но». Ты видел это? – Зигфрид ткнул указательным пальцем в сторону противоположного берега. – Это крепость. Тебе ли, кремлевскому, не знать, для чего строят крепости.

– Чтобы прятаться от врагов...

– Вот именно! У местных есть враги, и эти враги – мы.

– Но почему?!

– По определению. Потому что мы – с другой стороны от стен. Они не станут выяснять, кто ты и с какой целью пришел. Ты чужак, а стало быть – враг.

Книжник угрюмо промолчал. Возразить было нечего. Зигфрид прав: для кремлевских любой пришелец из-за красной стены – потенциальный враг, и никто его с хлебом-солью встречать не будет. Зигфрид сам испытал это на собственной шкуре, когда впервые пришел в Кремль за помощью².

– Вы забыли еще кое-кого, – тихо сказал Ведун.

– Кого еще? – хмуро проговорил Зигфрид.

– Тех, от кого они прячутся за своими стенами. Высокими стенами, крепкими стенами. Железными.

Когда до семинариста дошел смысл слов мрачного странника, спина покрылась холодной испариной. Никого вокруг – все попрятались! Уж не за стены ли крепости?! И главное – от кого?!

– А ну – все вниз! – заорал вдруг Зигфрид. Видать, и до него дошло. – Задраить люки, смотреть в оба! Три-Три – полный назад! Артиллерию – в боевую готовность!

Никого не пришлось особо уговаривать. Грохнули, захлопываясь, люки, загудели, разогреваемые ядерным реактором, паровые котлы. Торопливо проворачивая колеса, тяжелая машина начала сдавать назад. С тихим гулом задвигались стволы орудийных башен, словно вынюхивая, где мог притаиться неведомый враг. Задняя платформа с грохотом расталкивала нагромождения из гнилых автомобилей, опасно вздрагивая и угрожая сойти с рельсов.

Это постыдное бегство грозной, хорошо вооруженной боевой машины могло показаться ненужным и бессмысленным. Говорят, у страха глаза велики. Странно только, что приказ на отступление отдал самый опытный и храбрый из экипажа бронепоезда.

Об этом думал Книжник, наблюдая за окружающей обстановкой из командирской башенки паровоза. Ничего толком увидеть сквозь смотровые щели не удалось: все те же дома, бараки, голые стены и искореженный металл, поросший растениями-паразитами.

– Ну, что там видно? – крикнул снизу Три-Три, вполглаза наблюдая за приборами.

– Мог бы и не спрашивать – ты же все на радаре видишь! – проворчал Книжник. – Скажи лучше, чего такую панику навел? По твоей милости мы даже город не осмотрим! Когда еще доведется в Киеве побывать?

Он и сам понимал, что его претензии глупы и бессмысленны. Никто не будет рисковать жизнью из-за его исследовательских амбиций. Это в более-менее знакомых пределах Садового Кольца он мог устраивать свои вылазки в поисках древних архивов и ценных артефактов. Здесь же все было неизвестное, чужое и опасное.

– Движение справа! – в переговорное устройство крикнул Тридцать Третий. Он следил за бледным выпуклым «глазом» радара, на котором вспыхивали непонятные Книжнику символы.

² Об этих событиях читайте в книге Владислава Выставного «Кремль 2222. Запад».

Семинарист припал к смотровой щели, прикрытой мутноватым триплексом. Ему даже показалось, что он заметил мелькнувшую среди ржавых машин тень. И тут же лязгнуло кормовое орудие, стремясь упредить замеченного Тридцать Третьим врага.

Не успели. Сразу же вслед за выстрелом орудийной башни раздался другой звук – глухой, но мощный, от которого по всему железному телу «Дракона» прошла болезненная дрожь. Бронепоезд вдруг непривычно качнуло – и накренило на левый борт. С глухим тревожным скрежетом, продолжая крениться, паровоз ощутимо пополз куда-то в сторону, как лайнер «Титаник», налетевший на айсберг. Еще миг – и бронепоезд замер в непривычном для него наклонном положении. Отчаянно пищал зуммер, мигали по всему машинному пульту тревожные светодиоды. Где-то трещали электрические разряды, потянуло вонью горелой электропроводки и запахом озона. Все заволокло дымом, и Книжник закашлялся, пытаясь дышать через ткань куртки.

– Ты вроде хотел здесь задержаться? – спокойно поинтересовался Тридцать Третий, протягивая парню респиратор из аварийного комплекта. – Что ж, поздравляю – твоё желание осуществилось.

– Не подкалывай, Три-Три, – натягивая респиратор, хрипло отозвался Книжник. – Скажи лучше, что стряслось?

– Про рельсовую войну слышал? – оглядывая пульт управления, спросил кио.

– Да. Под откос нас уже пустили, осталось «партизан» дожидаться.

Ждать долго не пришлось. Корпус сотряс новый взрыв, и по броне металлическим горюхом загрохотали пули.

– Откуда стреляют, хоть видишь?! – крикнул Книжник, пытаясь разглядеть хоть что-то в мерцающей мешанине радара.

– Не мешай! – отрезал Три-Три, щелкая выключателями и орудуя манипуляторами управления огнем. – Не видишь – пытаюсь активировать орудия!

Пальцы кио мелькали со скоростью лопастей вертолета. Было ясно, что помочь спецу семинарист не в силах.

– Тогда держись! – крикнул Книжник. – Я к нашим!

По узкому проходу он бросился в сторону головного вагона – туда, где оставался Зигфрид и где был оставлен так нужный сейчас арбалет. Проход шел между внешней броневой стенкой и горячим, как адское пекло, котлом паровоза. Накренившийся корпус то и дело заставлял соприкасаться с горячим металлом, и парень зло шипел от боли – не хватало только вдобавок заживо поджариться в этой железной западне. Температура в узком коридоре заметно повысилась. Уж не случилось ли что с реактором? Только этого еще не хватало!

Добравшись до стыка вагонов, он попытался привычно сдвинуть с места тяжелую дверь – но не тут-то было: дверь заклинило перекосившейся стальной перегородкой. На миг потеряв самообладание, Книжник впал в панику и стал судорожно глотать воздух, решив, что сейчас задохнется в этом душном горячем загоне. Однако очередная дробная очередь по броне прямо над головой привела его в чувство.

Взяв себя в руки, вспомнил о технологическом люке над котлом, через который можно выбраться на воздух. Только как вылезать туда, когда из оружия у тебя – только толстый географический атлас?

Прошло еще несколько панических секунд, прежде чем Книжник понял, что сжимает в руке уже не атлас, а извлеченную из него «закладку» в виде устрашающего вида «маузера» образца тысяча восемьсот девяносто шестого года. Это, конечно, не арбалет с точки зрения точности, но в плане убийности – будьте спокойны!

– Идиот! – в сердцах выругался он и, не теряя времени, полез вверх, по лесенке, приваренной к боковине паровозного котла. Металл обжигал ладони, но семинариста подгоняли звуки разгорающегося боя.

Откинув крышку люка, парень рывком подтянулся, наполовину высунувшись из люка. И будто нырнул с головой в мутную воду: кругом клубился жирный черный дым, удушливо проникающий в нос и глотку. Торопливо надвинув на лицо болтавшийся на груди респиратор, семинарист огляделся – и не увидел почти ничего, кроме каких-то мечущихся пятен. Воздух наполняли звуки беспорядочных выстрелов и чьи-то хриплые вопли.

– Зигфрид!!! – заорал он и изумился собственному голосу, словно захлебнувшемуся и задушенному грязной ладонью.

Черт – респиратор! Сорвав маску, закричал снова, стремясь перекрыть грохот выстрелов и череду взрывов:

– Зиг, ты живой?!

Вопрос, в общем-то, оказался риторическим, так как остался без ответа. Лишь боги вестов знают, где сейчас носит неутомонного воина, так как вряд ли в такой ситуации он отсиживается за броней каземата.

Прямо над головой ухнуло – и семинариста буквально швырнуло на крышу бронированного кожуха паровоза. Звон в ушах заглушил звуки боя. Это в его направлении бахнуло орудие носовой башни – большое спасибо, что не снесло голову! Пошатываясь, он поднялся на ноги, огляделся.

Налетевшим ветерком немного рассеяло дым, и то, что предстало взгляду, не принесло оптимизма. Краем глаза Книжник заметил движение в дымящихся развалинах какого-то домишки – похоже, в него попал снаряд из башенной установки «Дракона». При этом не добил неизвестного противника, так как из развалин довольно активно огрызались из чего-то крупнокалиберного. Пули всюду колотили в скошенные борта бронев вагонов, правда, без особого результата. Визг рикошетов едва ли не заглушал звуки выстрелов.

А на броне уже всюду хозяйничали чужие. Слегка оторопев, Книжник наблюдал за разношерстной группой из пяти особей, безуспешно пытавшихся вскрыть наглухо задраенные люки заднего вагона. «Особей» – потому что отсюда трудно было разобрать принадлежность врагов к какому-то из известных разумных видов. Вроде двуногие и двурукие, но двигаются как-то необычно – резко, порывами, какими-то прерывистыми движениями, как куры. Одеты в бесформенные серые балахоны и маски – вроде противогазных, только матерчатые, но с такими же круглыми очками-глазницами поверх. В руках какое-то совсем уж древнее оружие – длинноствольные винтовки, вроде английских «буров», и неказистые карабины с широкими щербатыми штыками. На головах у них были самые настоящие немецкие каски – заржавленные, потертые, словно пролежавшие много лет в могилах вместе с прежними, давно истлевшими хозяевами. Не исключено, что так оно и было, – по Земле бродит множество психов, занимающихся разграблением могил и поклоняющихся самым темным силам.

Вот они на кого похожи – на немецких солдат времен Первой Мировой войны! Такие же нелепые, анахроничные и жуткие, как сама война. Перед глазами слайдами мелькнули черно-белые фотографии из старинных книг – колючая проволока, пулеметы с водой, закипающей в раскаленных кожухах, и чудовищные, словно выползшие из фильмов ужасов, первые танки.

В лицо будто дыхнуло окопным смрадом смерти, и вспотевшая ладонь крепче сжала ладонь «маузера» – наследника все той же, давно сгинувшей эпохи. Толку от одного пистолета против пятерых громил со зверскими пушками да штыками! Одна надежда на Три-Три – если, конечно, до него не доберутся нападавшие.

Запоздало оглядевшись, семинарист торопливо пнул ботинком тяжелую крышку люка, захлопнув ее: если эти мерзавцы проникнут внутрь бронепоезда, тогда всем его пассажирам конец!

Правда, похоже, финиш сейчас придет ему самому: сразу три безликих головы повернулись в его сторону – все так же, по-птичьи. Уставились на него неподвижными стеклянными взглядами и стали медленно, как в кошмарном сне, приближаться.

Вскинув пистолет, Книжник затряс им, дрожащим голосом выкрикнул:

– Не подходи! Назад! Стрелять буду!

Отчего-то он не торопился открывать огонь. Мешал какой-то нерациональный страх – эти фигуры казались ему призраками, которых не берет пуля. Будто первый же выстрел разъярит этих вылезших из могилы монстров.

А монстры в касках уже надвигались, выставив перед собой сверкающие штыки, и слышалось даже их тяжелое дыхание под плотными масками. И тогда семинарист не выдержал – спустил курок. «Маузер» злобно рывкнул и непривычно подпрыгнул, едва не вырвавшись из ладони.

Первая пуля прошла мимо, вызвав ощущение, что противник и впрямь неуязвим. Сжав зубы и схватив рукоять оружия двумя руками, Книжник выстрелил снова – на этот раз прицелившись лучше.

Первый враг наткнулся на пулю и отшатнулся, издав звук, вроде приглушенного рева. И тогда остальные бросились в атаку. Отчего-то они непременно хотели прикончить парня штыками. Это его и спасло, подарив спасительные секунды еще на несколько выстрелов, что он успел сделать, пока «маузер» не заклинило в результате осечки. Второй нападавший рухнул к ногам Книжника, едва не зацепив его штыком выпавшей из рук винтовки. Третий кулем повалился с крыши броневана.

Но там, за спинами своих расстрелянных товарищей, стояли еще двое. И эти уже успели вскинуть свое оружие. Парень, не раздумывая, упал на живот, прикрывшись трупами убитых. Дуплетом бахнули винтовки, над головой просвистели пули и, с визгом отскочив от брони, улетели вдаль. Пока враги с рычанием передергивали затворы, Книжник отчаянно пытался починить заклинивший «маузер», уже понимая, что не успеет. Единственным шансом спастись было спрыгнуть с вагона в дымную мглу, рискуя переломать ноги и распороть брюхо в нагромождении ржавого железа.

Ему не пришлось делать этот сомнительный выбор. Между ним и врагами возникла маленькая, хрупкая с виду фигурка, казавшаяся еще меньше рядом с нападающими. Маленький ребенок, один – против мощных фигур и острых штыков.

– Егорка! – вскрикнул Книжник, неожиданно ощутив страх за это маленькое существо.

Беспокоился он напрасно. На секунду введя в заблуждение своим беззащитным видом, фальшивый мальчишка мгновенно сбросил маску. Стремительное злобное существо распрямившейся пружиной бросилось на ближайшего «немца», сбив того с ног. Вскинуло для замаха бесформенную «лапу», из которой со звоном выскочило сверкающее острие. Знакомая штука – танталовый клинок, вживленный в каждый кибернетический организм. Короткий и точный удар в район «солнечного сплетения» – и, не дожидаясь, пока жертва испустит дух, маленький монстр уже переключает внимание на последнего оставшегося в живых врага. Здесь уже приходится преодолевать сопротивление: лупоглазый торопливо разрядил в Егорку карабин – не попал. Ловко перекинув оружие в руках, двинул «мальчишку» прикладом. От удара Егорка отлетел назад, кувыркнувшись через голову, – казалось превосходство противника в массе. Но на этом удача «касконосца» закончилась: набрав скорость, мимикрон зашел противнику в бок – тот просто не успел повернуться с должной скоростью – и вогнал танталовый шип аккуратно под лопатку. Да так и замер, возвышаясь над телами.

Можно было подумать, что бой на этом закончен, однако гром выстрела заставил Книжника сжаться – стреляли прямо над ухом. Егорка, согнувшись пополам, рухнул с крыши.

Семинарист обернулся, уже смирившись с неизбежным. Там, на крыше головного вагона, стояли еще трое – в таких же безликих одеяниях, в надвинутых на очки касках. Прямо в лицо Книжнику смотрел ствол карабина приличного калибра, и он мысленно попрощался с жизнью.

Но тот, что целился в него, отчего-то не спешил вдавить спусковой крючок. И отчего-то замерли двое его спутников, образуя нелепую и страшную композицию, как в музее восковых фигур.

– Что за напасть... – пролепетал Книжник.

Страх не было – он просто не успел испугаться. Скорее, удивление и любопытство, да еще предчувствие: он уже знал, кто участвует в спектакле. А потому даже не удивился, когда из-за его спины тихо выплыла черная фигура в длинных лохмотьях.

Ведун – а это был он – вышел вперед и медленно приблизился к замершим бойцам неведомой армии. Прошел между ними, оглядывая, как экспонаты того самого музея, и, видимо, остался недоволен, потому что, чуть скривившись, легонько толкнул кончиками пальцев одного, второго, третьего – и все они, один за другим, полетели с крыши вагона вниз, в дымную муть.

– Ты спас меня... – прошептал Книжник. – Я твой должник!

– Отучись от привычки влезать в долги, – сухо сказал Ведун. – По гроб жизни не расплатишься.

– Кто это такие? – парень кивнул в сторону убитых противников. – Зачем они на нас напали?

Вместо ответа Ведун кивнул в сторону левого борта:

– Твоему другу помощь нужна. Не жди, что он сам позовет.

– Он не позовет, – нервно бросил Книжник. – Он гордый...

Засунув за пояс неудобно крупный пистолет, он быстро, на четвереньках подобрался к ближайшему телу и за ремень потянул на себя карабин. Магазин «маузера» опустел, а с голыми руками идти на помощь – так только Ведун может.

Быстро спускаясь по железной лесенке, он еще раз бросил взгляд на своего спасителя. Ведун неподвижно стоял на покосившейся крыше вагона, в клубах черного дыма напоминая какого-то языческого бога. Он совершенно не боялся ни нападения, ни случайной пули – словно заранее знал исход этой заварушки.

А может, напротив – искал смерти? Последняя мысль настолько поразила Книжника, что он едва не грохнулся с высоты, когда нога скользнула по полуоторванной перекладине лесенки. Зачем этому бродяге искать смерти, когда в этом мире смерть – повсюду? Мысль, безусловно, была глупая, но отчего-то с этого момента она прочно засела в голове семинариста.

Спрыгнув на гравий в окружении изломанных автомобильных остовов, Книжник быстро огляделся. Дым вокруг заметно рассеялся, выстрелы стали реже. Через пару шагов он наткнулся на тело одного из сброшенных Ведуном врагов. Неестественно изогнувшееся тело застыло, нанизанное на острый обломок железной балки – как насекомое на булавке в какой-то безумной коллекции. Правда, вывалившиеся набок кишки несколько снижали качество экспоната. Зато еще раз убеждали, что враг, несмотря на устрашающий облик, – такой же, как все, из плоти и крови. Знать бы только, сколько их, врагов этих, и где они прячутся.

Книжник неловко передернул затвор – в магазинной винтовке это не так просто, как в автомате. Тусклая гильза вывалилась из нутра оружия, обнажив рядок непривычно крупных патронов. С некоторым усилием ладонь загнала патрон на полагающееся ему место. Однако с такими телодвижениями скорострельность оставляет желать лучшего! Не внушает оптимизма и торчащий из-под ствола штык. Штыковая атака – не для тщедушного семинариста.

Да и трудно представить себе, как это – вогнать это широкое лезвие в тугую вражескую плоть, защищенную сверху плотной тканью, а то и какой-нибудь скрытой защитой.

Но когда надо прийти на помощь товарищу, выбирать не приходится. Быстро забравшись на груды искореженных машин, Книжник огляделся и заорал:

– Зигфрид!!! Ты где?!

И тут же вокруг забарабанили пули. Едва успев шарахнуться обратно, припасть к земле, парень отрешенно слушал эту странную «музыку» пуль. Те, что вязли в дряхлом металле автомобилей, звучали глухо и гулко, заставляя резонировать объемистые корпуса. Те же, что попадали в бронелисты вагонов, звенели и визжали на разных тонах, совместно создавая энергичную и злобную мелодию смерти.

– Не высовывайся! – рявкнул знакомый голос – откуда-то из-под вагонов съехавшего на бок «Дракона». – Прикрой меня – я сейчас погулять выйду!

Легко сказать – прикрой, когда у тебя в руках незнакомое и неудобное оружие. Книжник даже сообразить ничего не успел, как по правую руку мелькнула стремительная тень – и взметнулась над грудями металлолома. Руины дома напротив разразились беспорядочным огнем – да только попасть в быстро перемещавшегося веста было непросто. Одновременно Книжник вскочил на ноги, выцелил, как ему казалось, щель, из которой палили особенно активно, – и выстрелил.

Это было сильное ощущение – будто в плечо ударило кувалдой. Наверное, он недостаточно плотно прижал приклад, и теперь рука болезненно ныла. Все же ему хватило сил передернуть затвор и быстро дослать вторую пулю в ту же самую цель. Попал он или нет – неизвестно, но стрельба в развалинах на пару секунд захлебнулась. Этого хватило, чтобы Зигфрид успел пересечь открытое пространство и оказался где-то по соседству с неизвестными стрелками. Теперь им не позавидуешь: в ближнем бою меч веста даст фору целой толпе стрелков. И действительно, стрельба в том углу прекратилась.

Но неожиданно выстрелы затрещали по другую сторону от поверженного «Дракона». Странно. Кто и по кому там стреляет? Неужто Ведун попал под раздачу? Или Три-Три? Может, мимикрон? Но вроде ему досталось крепко, и не известно жив ли он теперь...

– Ты цел?

Зигфрид появился с совершенно неожиданной стороны. Его взгляд сверкал бешеным огнем, с раскаленного клинка, шипя, капала кровь.

– Кто это там еще стреляет? – вместо ответа спросил Книжник.

– Руины всегда стреляют, – сухо бросил Зигфрид. – Давай за броню, быстро!

Спрятаться они не успели. Краем глаза Книжник заметил сбоку какое-то движение, повернул голову. В каком-то десятке шагов от них, возвышаясь над грудой обломков, стоял, пошатываясь, еще один громила в пыльном балахоне и германском шлеме. Был ли это затавившийся до времени враг или один из тех, кого не добились ранее – уже не имело значения, потому что в руках у него был короткий черный обрубок «шайтан-трубы».

Здесь уже не стоял вопрос о меткости – с такого расстояния в ней не было необходимости. Все живое в радиусе пятидесяти шагов будет накрыто сплошным огненным шаром, остальное покрошит в кашу перепадом давления. Стрелявший, правда, тоже попадет под замес, но, похоже, это его ничуть не смущает. В этой ситуации падать на землю, бежать, прятаться – совершенно напрасные телодвижения. Не успеть даже снять гада из карабина – еще секунда уйдет на то, чтобы передернуть затвор. Зигфрид мог бы попытаться снять мерзавца из револьвера – но и на то, чтобы выдернуть его из кобуры, нужно время.

Одна надежда – на то, что заряд древнего «Шмеля» давно сгнил и оружие не сработает. Опыт показывал, что надежда эта призрачная: восстановленное в особях Полях Смерти оружие обретало свои былые свойства в семидесяти случаях из ста.

Все эти мысли успели пронестись в голове стремительным потоком, пока враг наводил свое оружие.

Бахнуло. Правда, странно бахнуло: отчего-то ноги стрелявшего подломились, «шайтан-труба» задралась кверху – и харкнула термобарическим боеприпасом в белый свет, как в копеечку.

Только тогда Книжник понял, что несостоявшегося «камикадзе» со «Шмелем» самого подстрелили, – прежде, чем он успел угробить себя вместе со своими противниками.

Сверкнуло и оглушительно грохнуло – где-то по ту сторону бронепоезда, куда улетел злосчастный боеприпас. Зигфрид с Книжником рефлекторно пригнулись, хоть в этом уже и не было смысла. Они неотрывно смотрели туда, где упал их несостоявшийся убийца.

Из пыли и дыма медленно вышел незнакомец в длинной черной рясе со странным многоствольным оружием в руках. Был он худ, высок, молод и больше всего напомнил Книжнику его самого – недавнего школяра Кремлевской Семинарии.

Незнакомец остановился и настороженно оглядел замерших у вагона Зигфрида и Книжника. Немая сцена длилась несколько секунд, после чего незнакомец произнес каким-то незнакомым певучим говором:

– Простите меня! Наверное, вы меня убьете – но это я во всем виноват.

Глава 3

Железная слобода

Вести светские беседы на хорошо простреливаемом пространстве недавнего боя как минимум смело, как максимум – глупо. А потому незнакомца без лишних разговоров препроводили на борт бронепоезда. Грохнула, закрывшись, массивная бронедверца, и наступила непривычная тишина. Незнакомец растерянно моргал, пытаясь привыкнуть к полумраку коридора, Книжник на всякий случай держал палец на спусковом крючке карабина. Паренек, конечно, сам сдался, но в жизни всякое бывает. Может, это ловкий план такой – проникнуть внутрь бронепоезда, чтобы разнести его ко всем чертям.

– Давай вперед, малец, – Зигфрид небрежно подтолкнул невольного гостя в спину, одновременно ловким движением изъяв у того необычное шестиствольное оружие. – Что за пушка такая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.